

№ 960.

УНИВЕРСАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ВОЙНА

ВЪ РУССКОЙ ЛИРИКѢ

СБОРНИКЪ

СОСТАВИЛЪ

Владиславъ Ходасевичъ.

— 578

Книгоиздательство

„ПОЛЬЗА“

В. АНТИКЪ и К^о.

МОСКВА.

501. Толстой Смерть Ивана Ильича. Хозяинъ и работникъ.
502. Толстой. Крейцерава совѣта.
503. Толстой. Власть тьмы.
504. Толстой. Плоды просвѣщенія.
505. Толстой. Корней Васильевъ.
- 506-507. Къ волѣ. Крѣпостное право въ народной поэзіи. Сборникъ. Сост. Н. Л. Бродскій.
- 508-509. Рабство и воля. Крѣпост. право въ рус. лит. Сост. И. Розановъ и Н. Сидоровъ.
510. Толстой. Ходяте въ свѣтѣ, пока есть свѣтъ и др. рассказы.
511. Толстой. Первый винокуръ и др.
- 512-513. Гоголь. Вечера на хуторѣ близъ Диканьки. Ч. I и II.
514. Карамзинъ. Бѣдная Лиза, Наталья болдинская дочь, Марья Потапова.
- 515-516. Аксаковъ. Семейн. хроника.
517. Толстой. Чѣмъ люди живы и др.
518. Пушкинъ. Капитанская дочка. История села Горюхина.
519. Пушкинъ. Повѣсти Бѣликина. Дубровскій.
520. Пушкинъ. Ликовалъ дама. Арапъ Петра Вод. Египетск. я почи.
- 521-524. Толстой. Воскресенье.
- 525-526, 527-529. Вѣликискій. Статьи о Пушкинѣ.
- 530-531. Лермонтовъ. Кв. Ангольская. Герой нашего времени.
532. Лермонтовъ. Вадимъ.
533. Толстой. Три смерти. Полкушка.
- 534-536. Аксаковъ. Дѣтскіе годы Багрова-внука.
537. Воейковъ. Домъ сумасшедшихъ.
538. Фонвизинъ. Бригадиръ. Поддоросль.
- 539-540. Гоголь. Миргородъ. Ч. I и II.
- 541-543. Квитка. Основьяненко. Паянъ Халавскій.
- 544-545. Аксаковъ. Воспоминанія.
- 546, 547. Толстой. Для дѣтей.
548. Сологубъ. Отрокъ Дипъ и др.
549. Толстой. Живой трупъ и др.
550. Сологубъ. Маленькій человекъ.
551. Никитинъ. Дневн. семинариста.
552. Никитинъ. Кулакъ.
553. Никитинъ. Избранныя стихотворенія и биографія.
554. Гоголь. Портретъ. Косъ. Шинель.
555. Гоголь. Невскій проспектъ. Залпски сумасшедшаго. Римъ.
- 556-557. Добролюбовъ. Темное царство.
558. Добролюбовъ. Что такое Обломовщина? Когда же придетъ настоящій день?
559. Думы и пѣсни. Сборникъ стихотвореній новыхъ поэтовъ. Составилъ Анс. Чеботаревскій.
- 560-561. Никитинъ. Стихотворенія.
- 562-563. Ломоносовъ. Избранныя сочиненія и биографія.
564. Добролюбовъ. Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ.
- 565-567. Загоскинъ. Роставелевъ.
- 568-569. Пегорѣльскій. Мова-стырка.
570. Жуковский. Паль и Дамаянти.
571. Жуковский. Русланъ и Зорабъ.
572. Слово о полку Игоревѣ. Похъ ред. С. К. Шамбинаго.
573. Маркъ Криницкій. Пошлость.
574. Пѣсни каторги. Собр. В. Гартевельдъ.
- 575-577. Нарѣжный. Бурсакъ.
578. Богдановичъ. Душенька.
579. Ленскій. Левъ Гурмъ Сивичкинъ.
580. Мей. Царская повѣсть.
581. Мей. Псковитянка.
- 582-583. Отечественная война въ русской поэзіи. Составилъ Н. Бродскій и Н. Сидоровъ.
584. Гусевъ-Оренбургскій. Капитанъ Кукъ и др.
585. Ковальскій. Живанъ — игноволо.
586. Сологубъ. Опечаловная повѣсть и др.
587. Толстой. Отецъ Сергій. Дьяволъ.
- 588-589. Комическая опера XVIII вѣка: Аблесомовъ, Княжнша Плавильщикова.
590. Андреевъ. Разсказъ о семи повѣшеныхъ.
- 591-592. Помяловскій. Молотокъ.
- 593-594. Помяловскій. Вуколъ. Мѣшанское счастье.
- 595-596. Помяловскій. Очерки бурсы.
- 597-599. Русская лирика. Сборникъ. Составилъ Вл. Ходасевичъ.
600. Грибоѣдовъ. Горе отъ ума. Похъ ред. Н. К. Пиксанова.

Л591 901

ВОЙНА

ВЪ

РУССКОЙ ЛИРИКЪ.

СВОРНИКЪ

СОСТАВИЛЪ

Владиславъ Ходасевичъ.

МОСКВА.

Книгоиздательство „ПОЛЬЗА“

В. Антикъ и К^о.

И

государственная публичная
юридическая библиотека
РСФСР

инвентарный

Государство. юридическая
историческая
библиотека РСФСР

1232725V

МОСКВА.

Тип. п./ф. „ЛОМОНОСОВЪ“. 1-я Тверская-Ямская, 22
1915.

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЯ.

«Теперь тебѣ не до стиховъ, о слово русское, родное!» воскликнула Тютчевъ, во дни войны 1854 года. Онъ былъ правъ, но не до конца. Когда шумить бой, невольно мы прислушиваемся напряженнѣй къ его далекимъ раскатамъ, нежели къ мирному «голосу лиръ». Однако, любовь къ поэзии, одно изъ прекраснѣйшихъ движеній человѣческаго сердца, никогда не замираетъ вполне. Въ форму стиховъ одеваемъ мы лучшія и напряженнѣйшія свои чувства, къ книгамъ поэтовъ обращаемся въ самыя тяжелыя и самыя счастливыя минуты жизни. О томъ, что теперь слову русскому «не до стиховъ», самъ Тютчевъ сказалъ стихами. Окончательно не до стиховъ многимъ изъ насъ не бываетъ никогда.

Сейчасъ Россія подняла мечъ въ защиту свободы и культуры. Мы воюемъ во имя мира. Всѣ помыслы наши сейчасъ тамъ, гдѣ рѣшаются великія судьбы человѣчества и маленькія, но безконечно драгоценныя для насъ судьбы нашихъ родныхъ и близкихъ и нашихъ благородныхъ союзниковъ. Что же удивительнаго, если мысленно присутствуя тамъ, на поляхъ сраженій, мы беремъ съ полки книгу стиховъ

и въ ней тоже ищемъ отголосковъ того, что томитъ насъ неодолимо?

Такъ и составилаь эта маленькая книжка. Въ нее мы включили лучшіе на нашъ взглядъ стихи о войнѣ, написанные русскими поэтами съ того часа, какъ раздался голосъ «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ». Здѣсь собрано не то, что создано было на темы политическія, связанныя съ войнами, для насъ уже миновавшими, а по возможности—стихи о самомъ процессѣ войны, о ея прекрасномъ и отвратительномъ образѣ, и о чувствахъ, ей возбуждаемыхъ. Но и при этомъ въ области описательной мы брали лишь то, что относится къ войнамъ, разразившимся при жизни авторовъ: въ настоящую минуту насъ болѣе привлекаетъ свидѣтельство современника, нежели воображеніе художника. Исключеніе одѣлано только для лермонтовскаго «Бородина»: надѣмся, это не нуждается въ поясненіяхъ.

Сейчасъ не время судить, какъ исполнили мы нашу задачу съ точки зрѣнія чисто-литературной. Быть можетъ, этотъ небольшой трудъ страдаетъ неполнотой и другими промахами. Зато онъ намъ представляется въ высшей степени своевременнымъ—и въ томъ его оправданіе.

В. К.

1914, августъ.

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЖУКОВСКІЙ.

Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ.

Пѣвецъ.

На полѣ браншомъ тишина,
Огни между шатрами:
Друзья, здѣсь свѣтитъ намъ луна,
Здѣсь кровь небесъ надъ нами.
Наполнимъ кубокъ круговой!
Дружнѣе! Руку въ руку!
Зальемъ виномъ кровавый бой
И съ падшими разлуку.
Кто любить видѣть въ чашахъ дно,
Тотъ бодро ищетъ боя...
О, всемогущее вино,
Веселіе героя!

Воины.

Кто любить видѣть въ чашахъ дно,
Тотъ бодро ищетъ боя...
О, всемогущее вино,
Веселіе героя!

Пѣвецъ.

Сей кубокъ чадамъ древнихъ лѣтъ!
Вамъ слава, наши дѣды!
Друзья, уже могучихъ нѣтъ;
Ужъ нѣтъ вождей побѣды;
Ихъ дома вихорь разметалъ;

Ихъ гробы срыли плуги;
И пламень ржавчины сожралъ
Ихъ шлемы и кольчуги;
Но духъ отцовъ воскресъ въ сынахъ;
Ихъ поприще предъ нами...
Мы тамъ найдемъ ихъ славный прахъ
Съ ихъ славными дѣлами.

Смотрите, въ грозной красотѣ,
Воздушными полками,
Ихъ тѣни мчатся въ высотѣ
Надъ нашими шатрами...
О, Святославъ, бичъ древнихъ лѣтъ,
Се твой полетъ орлиный...
«Погибнемъ! мертвымъ срама нѣтъ!»
Гремитъ передъ дружиной.
И ты, невѣрныхъ страхъ, Донской,
Съ четой двухъ соименныхъ,
Летишь погибельной грозой
На рать иноплеменныхъ.

И ты, нашъ Петръ, въ толпѣ вождей.
Внимайте кличъ: Полтава!
Орды пришельца—снѣдь мечей,
И мѣръ взываетъ: слава!
Давно ль, о, хищникъ, пожиралъ
Ты взоромъ наши грады?
Бѣги! Твой конь и всадникъ палъ;
Твой слѣдъ—костей громады;
Бѣги! И стыдъ и страхъ сокрой
Въ лѣсу съ твоимъ сарматомъ;

Отчизны врагъ спутникъ твой;
Злодѣй владыкъ братомъ.

Но кто сей рьяный великанъ,
Сей витязь полуночи?

Друзья, на спящій вражій станъ
Вперилъ онъ страшны очи;

Его завидя въ облакахъ,
Шумящимъ, смутнымъ роемъ

На снѣжныхъ Альповъ высотахъ
Взлетѣли тѣни съ воемъ;

Блѣднѣетъ галль, дрожатъ сарматъ
Въ шатрахъ отъ гнѣвныхъ взоровъ...

О горе! горе, супостатъ!

То грозный нашъ Суворовъ!

Хвала вамъ, чада презшихъ лѣтъ,
Хвала вамъ, чада славы!

Дружиной смѣлой вамъ во слѣдъ
Бѣжимъ на ниръ кровавый;

Да мчится вашъ побѣдный строй
Предъ нашими орлами;

Да сѣетъ, намъ предтеча въ бой,
Погибель надъ врагами;

Наполнимъ кубокъ! мечъ во длань!

Внимай намъ, вѣчный Мститель!

За гибель—гибель, брань—за брань,
И казнь тебѣ, губитель!

Воины.

Наполнимъ кубокъ! мечъ во длань!

Внимай намъ, вѣчный мститель!

За гибель—гибель, брань—за брань,
И казнь тебѣ, губитель!

Пловецъ.

Отчизнѣ кубкѣ сей, друзья!
Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнить!
О, родина святая,
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?

Тамъ все—тамъ родныхъ милый домъ;
Тамъ наши жены, чада;
О насъ ихъ слезы предъ Творцомъ;
Мы жизни ихъ ограда;
Тамъ дѣвы—прелесть нашихъ дней,
И сонмъ друзей безцѣнный,
И царскій тронъ, и прахъ царей,
И предковъ прахъ священный.
За нихъ, друзья, всю нашу кровь!
На вражьи грянемъ силы!
Да въ чадахъ къ родицѣ любовь
Зажгутъ отцовъ могилы!

Воины.

За нихъ, за нихъ всю нашу кровь!
На вражьи грянемъ силы!
Да въ чадахъ къ родинѣ любовь
Зажгутъ отцовъ могилы!

Цвѣецъ.

Тебѣ сей кубокъ, Русскій Царь!
Цвѣти твоя держава;
Священный тронъ твой намъ алтарь;
Предъ нимъ обѣтъ нашъ: слава.
Не измѣнимъ; мы отъ отцовъ
Пріяли вѣрность съ кровью:
О, царь, здѣсь сонмъ твоихъ сыновъ,
Къ тебѣ горимъ любовью;
Нашъ каждый ратникъ славянинъ;
Всѣ долгу здѣсь послушны;
Бѣжитъ предатель сихъ дружинъ
И чуждъ имъ малодушный.

Воины.

Не измѣнимъ! мы отъ отцовъ
Пріяли вѣрность съ кровью!
О, царь, здѣсь сонмъ твоихъ сыновъ!
Къ тебѣ горимъ любовью!

Цвѣецъ.

Сей кубокъ ратнымъ и вождямъ!
Въ шатрахъ, на полѣ чести,
И жизнь, и смерть, все пополамъ:
Тамъ дружество безъ лести,

Рѣшимость, правда, простота,
И правовъ непритворство,
И смѣлость, браанныхъ красота,
И твердость, и покорство.
Друзья, мы чужды пизкихъ узъ;
Къ вѣлцамъ стязею правой!
Опасность твердый пашь союзъ;
Одной пылаемъ славой.

Тотъ пашь, кто первый въ бой летить
На гибель супостата,
Кто слабость падшаго щадить
И грозно метить за брата;
Опъ взоромъ жизнь даетъ полкамъ;
Опъ махомъ мощной длани
Ихъ мчитъ во срѣтенье врагамъ,
Въ средину шумной брани;
Ему веселье битвы гласъ,
Спокоенъ подъ громами!
Опъ свой послѣдній видитъ часъ
Безстрашными очами.

Хвала тебѣ, пашь бодрый вождь,
Герой подъ сѣдпнами!
Какъ юный ратникъ, вихрь и дождь,
И трудъ опъ дѣлать съ нами.
О, сколь съ израненымъ челомъ
Предъ строемъ опъ прекрасенъ!
И сколь опъ хладенъ, предъ врагомъ,
И сколь врагу ужасенъ!
О, диво! Се орель пронзиль

Надъ нимъ небесъ равнины...
Могучій вождь главу склонилъ;
Ура!—кричать дружины.

Лети ко пращдамъ, орель,
Пророкомъ славной мести!
Мы тверды: вождь нашъ перешелъ
Путь гибели и чести;
Съ нимъ опытъ, сынь труда и лѣтъ;
Онъ бодръ и съ сѣдиною;
Ему знакомъ побѣды слѣдъ...
Довѣренность герою!
Нѣтъ, други, нѣтъ! Не предаца
Москва на расхищенье;
Тамъ стѣны!... въ россахъ вся она!
Мы здѣсь—и Богъ нашъ мщенье!

Хвала сподвижникамъ-вождямъ;
Ермоловъ, витязь юный,
Ты ратнымъ братъ, ты жизнь полкамъ.
И страхъ—твой перуны!
Гаевскій, слава нашихъ дней,
Хвала! передъ рядами
Онъ первый грудь противъ мечей
Съ отважными сынами.
Нашъ Милорадовичъ, хвала!
Гдѣ онъ промчался съ брашью,
Тамъ, мнится, смерть сама прошла,
Съ губительною дланью.

Нашъ Витттенштейнъ, вождь-герой,
Петрополя спаситель,

Хвала!.. Онъ щитъ странѣ родной,
Онъ хищныхъ истребитель.
О, сколь величественный видъ,
Когда передъ рядами
Одинъ, склоняся на твердый щитъ,
Онъ грозными очами
Блюдетъ противниковъ полки,
Имъ гибель устрояетъ,
И вдругъ... движеніемъ руки
Ихъ сонмы рассыпаетъ.

Хвала тебѣ, славянь любовь,
Нашъ Коновлицынъ смѣлый!...
Ничто ему толпы враговъ,
Ничто мечи и стрѣлы;
Предъ нимъ, за нимъ перунъ гремитъ,
И пышетъ пламень боя...
Онъ веселъ, онъ на гибель зрять
Съ спокойствіемъ героя;
Себя забылъ... однимъ врагамъ
Готовитъ истребленье;
Примѣръ и ратнымъ, и вождямъ,
И смѣлымъ удивленье!

Хвала, нашъ вихорь-атаманъ,
Вождь невредимыхъ, Платовъ!
Твой очарованный арканъ
Гроза для супостатовъ.
Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ.

Бѣдой имъ въ уши свищешь;
Они лишь къ лѣсу—ожилъ лѣсъ,
Древья сыплють стрѣлы;
Они лишь къ мосту—мостъ исчезъ;
Лишь къ селамъ—пышутъ селы.

Хвала нашъ Несторъ-Боснигсонъ!

И вождь, и мужъ совѣта
Блюдетъ враговъ, не дремля, онъ,
Какъ змѣй орелъ съ полета.

Хвала, нашъ Остерманъ-герой.

Въ часъ битвы ратникъ смѣлый!

И Тормасовъ, летящій въ бой,

Какъ юноша веселый!

И Багвуютъ среди громовъ,

Средь копій безмятежный!

И Дохтуровъ, гроза враговъ,

Къ побѣдѣ вождь надежный!

Нашъ твердый Воронцовъ, хвала!

О, други, сколь смутилась

Вся рать славянъ, когда стрѣла

Въ безстрашнаго вонзилась;

Когда полмертвѣ, окровавленъ,

Съ потухшими очами,

Онъ на щитъ былъ изнесенъ

За ратный строй друзьями.

Смотрите... язвой роковой

Къ постели пригвожденный,

Онъ страждетъ, братскою толпой

Увѣчныхъ окруженный.

Ему возглавье—бранный щитъ;
Незыблемый въ мученьѣ,
Онъ съ яснымъ взоромъ говоритъ:
«Друзья, бѣдамъ презрѣнье!»
И въ ихъ сердцахъ героя рѣчь
Веселье пробуждаетъ,
И, оживясь, до поры мечъ
Рука ихъ обнажаетъ.
Слѣши жъ, о, витязь нашъ, воспрянь!
Ужъ ангелъ истребленья
Горѣ подъялъ ужасну длань,
И близокъ часъ отмщенья.

Хвала. Щербатовъ, вождь молодой!
Среди грозы военной,
Друзья, онъ сѣтуетъ душой
О тратѣ незабвенной.
О, витязь, ободрись... она
Твой спутникъ невидимый,
И ею свыше знамена
Дружинъ твоихъ хранимы.
Любви и скорби—оживить
Твои для мщенья силы:
Рази дерзнувшихъ возмутить
Покой ея могилы.

Хвала, нашъ Палещъ, чести сынъ!
Какъ бурю носимый,
Вездѣ впереди своихъ дружинъ
Разить, неотразимый.
Нашъ смѣлый Строгановъ, хвала!

Онъ жаждетъ чистой славы;
Она изъ мира увлекла
Его на путь кровавый...
О, храбрыхъ соимъ, хвала и честь!
Свершайте истребленье,
Отчизна къ вамъ взываетъ: мечь!
Вселенная: спасенье!

Хвала безтрепетнымъ вождямъ!
На коняхъ окрыленныхъ
По доламъ скачутъ, по горамъ,
Вослѣдъ враговъ смятенныхъ;
Днемъ мчатся строй на строй, въ почи
Страшать, какъ привидѣнья;
Блещутъ смертью ихъ мечи;
Отъ стрѣлъ ихъ нѣтъ спасенья;
По всѣмъ разсыпаны путямъ,
Невидимы и зримы,
Съ нами здѣсь, сражаются тамъ,
Всюду невредимы.

Нашъ Фигнеръ старцемъ въ станъ враговъ
Идетъ во мракъ ночи;
Какъ тѣнь, прокрадся вокругъ шатровъ:
Всѣ зрѣли быстры очи...
И станъ еще въ глубокомъ снѣ,
День свѣтлый не проглянулъ—
А онъ ужъ витязь на конѣ,
Уже съ дружиной грянулъ!
Сеславинъ—гдѣ ни пролетитъ
Съ крылатыми полками,

Тамъ брошенъ въ прахъ и мечъ, и щитъ,
И устланъ путь врагами.

Давыдовъ, пламенный боецъ,

Онъ вихремъ въ бой кровавый;

Онъ въ миръ счастливый пѣвецъ

Вина, любви и славы.

Кудашевъ—скокомъ черезъ ровъ

И летомъ на стремнину;

Бросаетъ взглядомъ Чернышевъ

На мечъ, и громъ дружину;

Орловъ—отважностью орелъ;

И мчитъ грозу ударовъ,

Сквозь дымъ и огнь, по грудамъ тѣлъ,

Въ среду враговъ Байсаровъ.

Воины.

Вожди славянъ, хвала и честь!

Свершайте истребленье;

Отчизна къ вамъ призываетъ: мечь!

Вселенная: спасенье!

Пѣвецъ.

Друзья, кипящій кубокъ сей

Вождамъ, сраженнымъ въ бою!

Уже не придутъ въ сонмъ друзей,

Не станутъ въ ратномъ строю,

Ужъ для врага ихъ грозный ликъ

Не будетъ вѣстникъ мщенья,

И не помчитъ ихъ мощный кликъ,

Дружину въ пыль сраженья;

Ихъ празднень мечъ, безмолвень щитъ,
Ихъ ратники унылы;
И сирь могучихъ конь стоитъ
Близъ тихой ихъ могилы.

Гдѣ Кульневъ вашъ, рушитель силъ,
Свяръный пламень брани?
Онъ палъ—главу на щитъ склѣнилъ
И стиснулъ мечъ во длани;
Гдѣ жизнь судьба ему дала,
Тамъ брань его сразила,
Гдѣ колыбель его была,
Тамъ двесь его могила.
И тихъ его послѣдній часъ:
Съ молитвою священной
О милой матери угасъ
Герой вашъ незабвенной.

А ты, Кутайсовъ, вождь молодой...
Гдѣ прелести? Гдѣ младость?
Увы!—онъ видомъ и душой
Прекрасенъ былъ, какъ радость;
Въ бронѣ ли, грозный, выступалъ,
Бросали смерть перуны;
Во струны ль арфы ударялъ,
Одушевлялись струны...
О, горе! Вѣрный конь бѣжить
Окровавленъ изъ боя;
На немъ его разбитый щитъ...
И нѣтъ на немъ героя.

И гдѣ же твой, о, витязь, прахъ?
Какою взять могилой?...

Пойдетъ прекрасная въ слезахъ
Искать, гдѣ пепель милый...

Тамъ чище ранняя роса,
Тамъ зелень ароматнѣй,

И сладостнѣй цвѣтовъ краса,
И свѣтлый день прятнѣй;

И тихій духъ твой прилетитъ
Изъ таинственной сѣни,

И трепеть сердца возвѣститъ
Ей близость дружной тѣни.

И ты... и ты, Багратионъ?

Вотще друзей молитвы,
Вотще ихъ плачь... во гробѣ оный,
Добыча лютой битвы.

Еще дружинъ надежда въ немъ;
Все мнить: съ одра возстанетъ;

И робко шепчетъ врагъ съ врагомъ
«Увы, намъ! Скоро грянетъ».

А оный навѣки взоръ смежилъ,
Рѣшитель бранныхъ споровъ;
Онъ въ область храбрыхъ воспарилъ,
Бѣ тебѣ, отецъ-Суворовъ!

И честь вамъ, падшію друзья!

Ликуйте въ горней сѣни;
Тамъ ваша вѣрная семья—
Вождей минувшихъ тѣни.

Хвала вамъ будетъ оживлять

И позднихъ лѣтъ бесѣды.
«Отъ нихъ учитесь умирать!»
Такъ скажутъ внукамъ дѣды;
При вашемъ имени вскипитъ
Въ вождѣ ретивомъ пламя;
Онъ на твердыню съ нимъ взлетитъ
И водрузитъ тамъ знамя.

Воины.

При вашемъ имени вскипитъ
Въ вождѣ ретивомъ пламя;
Онъ на твердыню съ нимъ взлетитъ
И водрузитъ тамъ знамя.

Плвецъ.

Сей кубокъ мщенью! други, въ строй!
И къ небу грозны длани!
Сразить иль пасть!—нашъ роковой
Обѣтъ предъ богомъ брани.
Вотще, о, врагъ, изъ тьмы племень
Ты зиждешь ополченья:
Они бѣгутъ твоихъ знаменъ
И жаждутъ пизложенья.
Сокровищъ нѣтъ у насъ въ домахъ!
Тамъ стрѣлы и кольчуги;
Мы села—въ пепель! грады—въ прахъ!
Въ мечи—серпы и плуги!

Злодѣй, онъ лестью приманилъ
Къ Москвѣ свои дружины;
Онъ низкимъ миромъ намъ грозилъ

Съ кремлевскія вершины.
«Пойду по стогнамъ съ торжествомъ!
Пойду!.. и все восплещеть!
И въ прахъ падуть съ своимъ царемъ!»
Пришелъ... и самъ трепещеть;
Подвигло мщение Москву:
Вспылала предъ врагами
И грянулася на ихъ главу
Губящими стѣнами.

Веди жь своихъ царей-рабовъ
Съ ихъ стаей въ область хлада;
Пробей тропу среди снѣговъ
Во срътеніе глада...
Зима, союзникъ нашъ, гряди!
Имъ залертъ путь возвратный:
Пустыни въ пеплѣ позади,
Передъ ними сонмы ратны.
Отвѣдай, хищникъ, что сильнѣй:
Духъ алчности иль мщенье?
Пришлецъ, мы въ родинѣ своей;
За правыхъ Провидѣнье!

Воины.

Отвѣдай, хищникъ, что сильнѣй:
Духъ алчности, иль мщенье?
Пришлецъ, мы въ родинѣ своей;
За правыхъ Провидѣнье!

Пьюецъ.

Святому братству сей фіаль,
Отъ вѣрныхъ братьевъ круга!

Блаженъ, кому Создатель далъ
Усладу жизни, друга;
Съ нимъ счастье вдвое; въ скорбный часъ
Опъ сердцу утѣшенъе;
Онъ наша совѣсть; опъ для насъ
Второе Провидѣнъе.
О, будь же, други, святость узъ
Законъ нашъ подъ шатрами;
Написанъ кровью нашъ союзъ:
И жить и пасть друзьями.

Воины.

О, будь же, други, святость узъ
Законъ нашъ подъ шатрами!
Написанъ кровью нашъ союзъ:
И жить и пасть друзьями.

Пивецъ.

Любви сей полный кубокъ въ даръ!
Среди борьбы кровавой,
Друзья, святой питайте жаръ:
Любовь одно со славой.
Кому здѣсь жребій удѣленъ
Знать тайну страсти милой,
Кто сердцемъ сердцу обрученъ:
Тотъ смѣло, съ бодрой силой
На все великое летить:
Нѣтъ страха; нѣтъ преграды;
Чего, чего не совершить
Для сладостной награды?

Ахъ, мысль о той, кто все для насъ,
 Намъ спутникъ неизмѣнный;
 Вездѣ знакомый слышимъ гласъ,
 Зримъ образъ незабвенный;
 Она на бранныхъ знаменахъ,
 Она въ тылу сраженья;
 И въ шумѣ стана, и въ мечтахъ
 Весслыхъ сновидѣнья.
 Отвѣдай, врагъ, исторгнуть щить,
 Рукою данный милой;
 Святой обѣтъ на немъ горить:
 Твоя и за могилой!

О, сладость тайны мечты!
 Тамъ, тамъ за синей далью,
 Твой ангель, дѣва красоты,
 Одна съ своею печалью,
 Груститъ, о другъ слезы льстятъ;
 Душа ея въ молитвѣ,
 Боятся вѣсти, вѣсти ждетъ:
 «Увы! не палъ ли въ битвѣ?»
 И мыслить: «скоро ль, дружный гласъ,
 Твой мнѣ слышать звуки?
 Лети, лети, свиданья часъ,
 Смигнуть тоску разлуки!»

Друзья! блаженнѣйшая часть
 Любезныхъ быть спасеньемъ!
 Когда жъ предѣль нашъ въ битвѣ пасть,—
 Погибнемъ съ наслажденьемъ!
 Святое имя призовемъ

Въ минуту смертной муки;
Бѣмъ мы дышали въ мирѣ семь,
Съ той нѣтъ и тамъ разлуки;
Туда душа перенесеть
Любовь и образъ милой...
О, други, смерть не все возьметъ:
Есть жизнь и за могилой!

Воины.

Въ тотъ мирѣ душа перенесеть
Любовь и образъ милой...
О, други, смерть не все возьметъ:
Есть жизнь и за могилой!

Пѣвецъ.

Сей кубокъ чистымъ музамъ въ даръ!
Друзья, онѣ въ героя
Вливаютъ бодрость, славы жаръ,
И мечь, и жажду боя.
Гремятъ ихъ лиры—старъ и младъ
Одѣлись въ бранны латы:
Ничто имъ стрѣль свистящихъ градъ,
Ничто твердынь раскаты.
Пѣвцы сотрудики вождямъ;
Ихъ пѣсни жизнь побѣдамъ,
И внуки, внемля ихъ струнамъ,
Въ слезахъ дивятся дѣдамъ.

О, радость древнихъ лѣтъ, Боянь!
Ты, арфой ополченый,
Леталъ предъ строями славянъ,

И гимнь гремятъ священныи.
Петру возникъ среди сѣтговъ
Пѣвецъ—податель славы;
Честь Задунайскому Петровъ!
О, Камскія дубравы,
Гордитесь! Вашъ Державинъ сынъ!
Готовъ свои перуны,
Суворовъ, чудо-исполинь—
Державинъ гризеть въ струны.

О, старецъ! да услышимъ твой
Днесь голосъ лебедяный:
Не тщетной славы предъ тобой,
Но мщенія дружины;
Простерли не къ добычамъ длань,
Бѣгутъ не за вѣнками—
Ихъ подвигъ святъ: то правыхъ брань
Съ злодѣйскими ордами.
Пришло разрушить ихъ мечамъ
Племень порабощенье;
Самимъ губителя рабамъ
Побѣды ихъ спасенье.

Такъ, братья, чадамъ музъ хвала!..
Но я, пѣвецъ вашъ юный...
Увы! почто судьба дала
Незвучныя мнѣ струны?
Доселѣ тихимъ лишь полямъ
Моя играла лира...
Вдругъ жребій выпалъ: къ знаменамъ!
Прости, и сладость мира,

И отчий край, и кругъ друзей,
И трудъ уединенный,
И все... я тамъ, гдѣ стукъ мечей,
Гдѣ ужасы войны!

Но буду ль ваши пѣть дѣла
И хищныхъ истребленье?
Быть можетъ, ждетъ меня стрѣла,
И мнѣ удѣлъ—паденье.
Но что жъ... навѣки ль смертный часъ
Мой слѣдъ изгладить въ мирѣ?
Останется привычный гласъ
Въ осиротѣвшей лирѣ.
Пускай губителя во прахъ
Низвергнетъ месть кровава—
Родится жизнь въ ея струнахъ,
И звучно грянуть: слава!

Воины.

Хвала возвышенымъ пѣвцамъ!
Ихъ пѣсни жизнь побѣдамъ;
И внуки, внемля ихъ струнамъ,
Въ слезахъ дивятся дѣдамъ.

Пѣвецъ.

Подыметь чашу!... Богу силъ!
О, братья, на колѣна!
Онъ ископи благословилъ
Славянскія знамена.
Безсильнымъ щитъ Его законъ,
И гибнущимъ спаситель;

Всегда союзникъ правыхъ Огнь
И гордыхъ истребитель.
О, братья, взоры къ небесамъ!
Тамъ жизни сей награда!
Оттолъ Отець незримый намъ
Гласить: мужайтесь, чада!

Безсмертье, тихій, свѣтлый брегъ;
Нашъ путь—къ нему стремленье.
Покойся, кто свой кончилъ бѣгъ!
Вы, странники, терпѣнье!
Блаженъ, кого постигнулъ бой!
Пусть долго, съ жизнью хилой,
Старикъ трепещущей ногой
Влачится надъ могилой;
Сынъ брани мигомъ пошу въ прахъ
Съ могучихъ плечъ свергаетъ,
И, бодръ, на молніиныхъ крылахъ
Въ міръ лучший улетаетъ.

А мы?... Довѣренность къ Творцу!
Что бъ ни было—Незримой
Ведеть насъ къ лучшему концу
Стезей непостижимой.
Ему, друзья, отважно вслѣдъ!
Прочь, низкое! прочь, злоба!
Духъ бодрый на дорогѣ бѣдъ,
До самой двери гроба;
Въ высокой долѣ—простота;
Нежадность—въ наслажденьѣ;

Въ союзѣ съ ровнымъ—правота;
Въ могуществѣ—смиренье.

Обѣтамъ—вѣчность; чести—честь;
Покорность—правой власти;
Для дружбы—все, что въ мірѣ есть;
Любви—весь пламень страсти;
Утѣха—скорби; просьбѣ—дань;
Погибели—спасенье;
Могущему пороку—брань;
Безсильному—презрѣнье;
Неправдѣ—грозный правды гласъ;
Заслугѣ—воздаянье;
Спокойствіе—въ послѣдній часъ;
При гробѣ—упованье.

О, будь же, Русскій Богъ, намъ щитъ!
Прострешь Твою десницу—
И мститель-громъ Твой раздробитъ
Колія и колесницу.
Какъ воскъ передъ лицомъ огня,
Растаетъ врагъ предъ нами...
О, страхъ карающаго дня!
Бродя окрестъ очами,
Речетъ пришлецъ: «враговъ я зрѣлъ;
И мнилъ: земля имъ мало;
И взоръ ихъ гибелью горѣлъ;
Протекъ—враговъ не стало!»

Воины.

Рчетъ пришлецъ: «враговъ я зрѣлъ;
И мнилъ: земля имъ мало;

И взоръ ихъ гибелью горѣлъ;
Протекъ—враговъ не стало!»

Пльвецъ.

Но свѣтлыхъ облаковъ гряда
Ужъ утро возвѣщаетъ;
Уже восточная звѣзда
Надъ холмами играетъ;
Рѣдѣсть сумракъ; сквозь туманъ
Проглянули равнины,
И дальній лѣсъ, и тихій станъ,
И сляція дружины.
О, други, скоро!... день грядетъ...
Недвижны рати бурны...
Но... рокъ ужъ жребіи беретъ
Изъ таинственной урны.

О, новый день, когда твой свѣтъ
Исчезнетъ за холмами,
Сколь многихъ взоръ нашъ не найдетъ
Межъ нашими рядами!..
И онъ блеснулъ!.. Чу!.. вѣстовой
Перунъ по холмамъ грянулъ;
Внимайте: въ полѣ шумъ глухой!
Смотрите: станъ воспрянулъ!
И кони ржутъ, грызя бразды;
И строй сомкнулся съ строемъ;
И вождь летитъ передъ ряды;
И нышетъ ратникъ боемъ.

Друзья, прощанью кубокъ сей!
И смѣло въ бой кровавой,

Подъ вихорь стрѣль, на рядъ мечей,
За смертью иль за славой...

О вы, которыхъ и вдали
Боготворимъ сердцами,
Вамъ, вамъ всё блага на земли!..
Щитъ Промысла надъ вами!..
Всевышній Царь, благослови!

А вы, друзья, лобзанье
Въ завѣтъ: *здѣсь* вѣрныя любви,
Тамъ сладкаго свиданья!

Воины.

Всевышній Царь, благослови!

А вы, друзья, лобзанье
Въ завѣтъ: *здѣсь* вѣрныя любви,
Тамъ сладкаго свиданья!

1812.

КОНСТАНТИНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ БАТЮШКОВЪ.

Посланіе къ Дашкову.

Мой другъ! Я видѣлъ море зла
И неба мстительнаго кары,
Враговъ неистовыхъ дѣла,
Войну и гибельны пожары;
Я видѣлъ сонмы богачей,
Бѣгущихъ въ рубищахъ издранныхъ;
Я видѣлъ бѣдныхъ матерей,
Изъ милой родины изгнанныхъ!
Я на распутьи видѣлъ ихъ,
Какъ, къ персямъ чадъ прижавъ грудныхъ,
Они въ отчаянны рыдали,
И съ новымъ трепетомъ взирали
На небо рдяное кругомъ.
Трикраты съ ужасомъ потомъ
Бродилъ въ Москвѣ опустошенной,
Среди развалинъ и могилъ;
Трикраты прахъ ея священный
Слезами скорби омочилъ.
И тамъ—гдѣ зданья величавы
И башни древнія царей,

Свидѣтели протекшей славы
И новой славы нашихъ дней;
И тамъ—гдѣ съ миромъ почивали
Останки иноковъ святыхъ,
И мимо вѣки протекали,
Святыни не касаясь ихъ;
И тамъ—гдѣ роскоши рукою,
Дней мира и трудовъ плоды,
Предъ златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады—
Лишь угли, прахъ и камней горы,
Лишь груды тѣль кругомъ рѣки,
Лишь нищихъ блѣдные полки
Вездѣ мой встрѣчали взоры!

А ты, мой другъ, товарищъ мой,
Велишь мнѣ пѣть любовь и радость,
Безпечность, счастье и покой
И шумную за чашей младость;
Среди военныхъ непогодъ,
При страшномъ заревѣ столицы,
На голосъ мирныя цѣвиницы
Сзывать пастушекъ въ хороводъ.
Мнѣ пѣть коварныя забавы
Армидъ и вѣтренныхъ Цирцей
Среди могилъ моихъ друзей,
Утраченныхъ на полѣ славы!..
Нѣтъ, нѣтъ! талантъ погибни мой
И лира, дружбѣ драгоцѣнна,
Когда ты будешь мною забвенна,
Москва, отчизны край златой!
Нѣтъ, нѣтъ! пока на полѣ чести

За древній градъ моихъ отцовъ
Не понесу я въ жертву мести
И жизнь, и къ родинѣ любовь;
Пока съ израненнымъ героемъ,
Кому извѣстенъ къ славѣ путь,
Три раза не поставлю грудь
Передъ враговъ сомкнутымъ строемъ—
Мой другъ, доголѣ будутъ мнѣ
Всѣ чужды музы и хариты,
Вѣнки, рукой любви свиты,
И радость шумная въ винѣ!

КНЯЗЬ ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ ВЯЗЕМСКІЙ.

Поминки по Бородинской битвѣ.

Милорадовича помню
Въ битвѣ при Бородинѣ:
Былъ онъ въ шляпѣ безъ султана
На гнѣдомъ своемъ конѣ.

Бодро онъ и хладнокровно
Велъ полки въ кровавый бой;
Строй за строемъ густо, ровно
Выступалъ живой стѣной.

Только подошли мы ближе
Къ средоточію огня,
Взвизгнуло ядро и пало
Передъ нимъ къ погамъ коня.

И, сердито землю роя
Адскимъ огненнымъ волчкомъ,
Не затронуло героя,
Но осыпало пескомъ.

«Богъ мой!»—онъ сказалъ съ улыбкой,
 Указавъ на вражью рать:
 «Насъ завидѣль неприятель
 И спѣшить намъ честь отдать».

И Кутузовъ предо мною,
 Вспомню-ль о Бородинѣ:
 Онъ и въ бѣлой былъ фуражкѣ,
 И на бѣломъ былъ конѣ.

Черезъ плечо повязанъ шарфомъ,
 Онъ стоитъ на высотѣ,
 И надъ старцемъ блещетъ ярко
 День въ осенней красотѣ.

Старца бодрый видъ воинственъ,
 Онъ средь полчищъ одинокъ,
 Онъ безстрастенъ, онъ таинственъ,
 Онъ властителенъ, какъ рокъ.

На челѣ его маститомъ,
 Пролетѣвшею насквозь
 Смертью разъ уже пробитомъ,
 Пламя юное зажглось.

Пламя думъ, грозой созрѣвшихъ,
 Въ битвѣ закаленныхъ думъ.
 Онъ ихъ молча вопрошаетъ
 Сквозь пальбу, огонь и шумъ.

Мыслью онъ паритъ надъ битвой,
 И его срлинный взглядъ,

Движетъ волею и силою
Человѣческихъ громадъ.

А его молніеносцы
Ждутъ внимательно кругомъ,
Чтобъ, по слову полководца,
Зарядить крылатый громъ.

День насталь. Мы ждали битвы,
Всѣ возрадовались ей:
Шли давно о ней молитвы
Приунывшихъ усачей.

И на пиръ веселый словно
Каждый радостно летить:
Будь у каждаго три жизни—
Онъ всѣхъ трехъ не пощадитъ.

Никогда еще въ подлунной
Не кипѣлъ столь страшный бой:
Изъ орудій адъ чугунный,
Разразившись, поднялъ вой.

Цѣлый день не умолкаетъ,
Извергая смерть кругомъ;
Строй за строемъ исчезаетъ
Подъ убійственнымъ огнемъ.

Словно два бойца во злобѣ,
Набѣжала рать на рать;

Грудью въ грудь схватились обѣ,
Чтобъ противника попрасть.

Но побѣда обоюдно
То дается намъ, то имъ;
Въ этотъ день рѣшить бы трудно,
Кто изъ двухъ непобѣдимъ.

Крѣпнетъ боевая выюга,
Все сильнѣй растеть она;
И вдѣпившихся другъ въ друга
Разнимаетъ ночь одна.

Грозный день сей Бородинской
Имъ и намъ въ почетъ равно:
Славься битвой исполинской,
Славься ввѣкъ, Бородино!

КОНДРАТІЙ ФЕДОРОВИЧЪ РЫЛЪЕВЪ.

Партизаны.

Въ лѣсу дремучемъ, на полянѣ
Отрядъ набѣдниковъ сидитъ.
Окрестность вся въ сѣдомъ туманѣ;
Кругомъ осенній вѣтръ шумитъ;
На тусклый мѣсяцъ набѣгаютъ
Порой густыя облака;
Надулась черная рѣка,
И молнии вдали сверкаютъ.

Плащи навѣшаны шатромъ
На пикахъ, вглубь земли волзенныхъ;
Биваки въ сумракъ ночномъ
Вокругъ костровъ воспламененныхъ...
Средь нихъ толпами удалцы:
Ахтырцы, бугцы и допцы.

Пируютъ всадники лихіе,
Свершивъ отчаянный набѣгъ,
Заботы трудны боевыя,
Но весель шумный ихъ ночлегъ.

Живой бесѣдой сокращаютъ
Они другъ другу часъ ночной;
Дѣла вождей страны родной
Воспоминаямъ оживляютъ
И лѣсъ угрюмый и густой
Веселымъ пѣньемъ пробуждаютъ.

ДЕНИСЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ДАВЫДОВЪ.

Бурцову.

Въ дынномъ полѣ, на бивакѣ,
У пылающихъ огней,
Въ благодѣтельномъ аракѣ
Зрю спасителя людей.
Собирайся въ круговую,
Православный весь причеть!
Подавай лахань златую,
Гдѣ веселіе живетъ!
Наливай обширны чаши
Въ шумѣ радостныхъ рѣчей,
Какъ пивали предки наши
Среди копій и мечей.
Бурцовъ! ты, гусарь гусаровъ,
Ты—на ухарскомъ конѣ,
Жесточайшій изъ угаровъ
И наѣздникъ на войнѣ—
Стукнемъ чашу съ чашой дружно!
Нынче пить еще досужно.
Завтра трубы затрубятъ,
Завтра громы загремятъ.

Вышьемъ же и поклянемся,
 Что проклятью предаемся,
 Если мы когда-нибудь
 Шагъ уступимъ—поблѣднѣемъ,
 Пожалѣемъ нашу грудь
 И въ несчастьи оробѣемъ.
 Если мы когда дадимъ
 Лѣвый бокъ на фланкировкѣ,
 Или лошадь осадимъ—
 Или миленькой плутовкѣ
 Даромъ сердце подаримъ!
 Пусть не сабельнымъ ударомъ
 Пресѣчется жизнь моя!
 Пусть я буду гепераломъ,
 Какихъ много видѣлъ я!
 Пусть среди кровавыхъ боевъ
 Буду блѣденъ, боязливъ,
 А въ собраніи героевъ—
 Остръ, отваженъ, говорливъ!
 Пусть мой усъ—краса природы—
 Чернобурый въ завиткахъ,
 Изсѣчется въ юны годы
 И исчезнетъ, яко прахъ!
 Пусть фортуна для досады,
 Къ умпоженію всѣхъ бѣдъ,
 Дастъ мнѣ чинъ за вахтпарады,
 Иль Георгій за совѣтъ.
 Пусть.. Но чу!—гулять не время?
 Къ коняи, братъ, и ногу въ стремя,
 Саблю вонъ и въ сѣчу!—Вотъ
 Пиръ иной намъ Богъ даетъ,

Пиръ задорнѣй, удалѣе,
И шумнѣй и веселѣе...
Нутка—киверъ на бекрень
И—ура!—счастливый день!

Пѣсня.

Я люблю кровавый бой!
Я рождеть для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарской—
Съ вами вѣкъ мнѣ золотой!
Я люблю кровавый бой!
Я рождень для службы царской!

За тебя на чорта радъ,
Наша матушка Россія!
Пусть французишки гнилые
Къ намъ пожалуютъ назадъ!
За тебя на чорта радъ
Наша матушка Россія!

Станемъ, братцы, вѣчно жить
Вкругъ огней, подъ шалашами;
Днемъ—рубиться молодцами,
Вечеркомъ—горѣлку пить!
Станемъ, братцы, вѣчно жить
Вкругъ огней, подъ шалашами!

О, какъ страшно смерть встрѣчать
На постелѣ господиномъ.

Ждать конца подъ балдахипомъ
И всечасно умирать!
О, какъ страшно смерть встрѣчать
На постелѣ господиномъ!

То ли дѣло средь мечей—
Тамъ о славѣ лишь мечтаешь,
Смерти въ когти попадаешь,
И не думая о пей!
То ли дѣло средь мечей—
Тамъ о славѣ лишь мечтаешь!

Я люблю кровавый бой!
Я рождень для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарской—
Съ вами вѣкъ мнѣ золотой!
Я люблю кровавый бой!
Я рождень для службы царской!

Партизанъ.

Умолкнулъ бой. Ночная тѣнь
Москвы окрестность покрываетъ;
Вдали Кутузова курень
Одинъ, какъ звѣздочка, сверкаетъ.
Громада войскъ во тьмѣ кипитъ,
И надъ пылающей Москвою
Багрово зарево лежитъ
Необозримой полосою.

И мчится тайною тропой
Воспряпувшій съ долины битвы

Наѣздниковъ веселый рой
На отдаленныя ловитвы,
Какъ стая алчущихъ волковъ,
Они долинами витаютъ;
То внемлютъ шороху, то вновь
Безмолвно рыскать продолжаютъ.

Начальникъ, въ буркѣ на плечахъ,
Въ косматой шапкѣ кабардинской,
Горитъ въ передовыхъ рядахъ
Особой яростью воинской.

Сыпь бѣлокаменной Москвы,
Но рано брошенный въ тревоги,
Онъ жаждетъ сѣчи и молвы,
А тамъ что будетъ—вольны боги!

Давно незнаемъ имъ покой,
Привѣтъ родни, взоръ дѣвы нѣжный;
Его любовь—кровавый бой,
Родня—донцы, другъ—конь надежный:
Онъ чрезъ стремнины, чрезъ холмы
Отважно всадника приносить,
То чутко шевелитъ ушми,
То фыркаетъ, то удиль просить.

Еще ихъ скокъ примѣтенъ былъ
На высяхъ, за преградной Нарой,
Златимыхъ отблескомъ пожара—
Но скоро буйный рой за высь перекатилъ
И скоро слѣдъ его простылъ...

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ПУШКИНЪ.

*

Мнѣ бой знакомъ—люблю я звукъ мечей;
Отъ первыхъ лѣтъ поклонникъ бранной славы,
Люблю войны кровавыя забавы,
И смерти мысль мила душѣ моей.
Во цвѣтъ лѣтъ, свободы вѣрный воинъ,
Передъ собой кто смерти не видалъ,
Тотъ полного веселья не вкушалъ
И милыхъ женъ лобзашъ не достоинъ.

Война.

Война!.. Подъяты наконецъ,
Шумятъ знамена бранной чести!
Увижу кровь, увижу праздникъ мести;
Засвищетъ вокругъ меня губительный свинецъ.
И сколько сильныхъ впечатлѣній
Для жаждущей души моей:
Стремлеяе бурныхъ ополченій,
Тревоги стана, звукъ мечей,
И въ роковомъ огнѣ сраженій,
Паденье ратныхъ и вождей!

Предметы гордыхъ пѣснопѣннй
Разбудятъ мой уснувшій геній.

Все пово будетъ мнѣ: простая тѣнь шатра,
Огня враговъ, ихъ чуждое взыванье,
Вечернй барабанъ, громъ пушки, визгъ ядра
И смерти грозной ожиданье.

Родяшься ль ты во мнѣ, слѣпая славы страсть,
Ты, жажда гибели, свирѣпый жаръ героевъ?
Вѣнокъ ли мнѣ двойной достанется па часть,
Кончину ль темную судилъ мнѣ жребій боевъ,
И все умретъ со мной: надежды юныхъ дней,
Священный сердца жаръ, къ высокому стрем-
ленью,

Воспоминанье и брата, и друзей.

И мыслей творческихъ напрасное волненье,
И ты, и ты, любовь?.. Ужель ни бранный шумъ,
Ни ратные труды, ни ропотъ гордой славы—
Ничто не заглушитъ моихъ привычныхъ думъ?

Я таю, жертва злой отравы;

Покой бѣжитъ меня, пѣтъ власти падъ собой,
И тягостная лѣнь душою овладѣла...

Что жъ медлитъ ужасъ боевой?

Что жъ битва первая еще не закипѣла?...

Золото и булатъ

Все мое, сказало злато;

Все мое, сказалъ булатъ;

Все куплю, сказало злато:

Все возьму, сказалъ булатъ.

Делибашъ .

Перестрѣлка за холмами;
Смотритъ лагерь ихъ и нашъ:
На холмѣ предъ казаками
Вьется красный делибашъ.

Делибашъ, не суйся къ лавѣ!
Пожалѣй свое житье;
Вмигъ аминь лихой забавѣ:
Попадешься на копье.

Эй, казакъ, не рвися къ бою!
Делибашъ на всемъ скаку
Срѣжетъ саблю кривою
Съ плечъ удалую башку.

Мчатся, сшиблись въ общемъ крикѣ...
Посмотрите! каковы?...
Делибашъ уже на пикѣ,
А казакъ безъ головы.

БАР. АНТОНЪ АНТОНОВИЧЪ ДЕЛЬВИГЪ.

Отставной солдатъ.

(Русская шляпя).

Солдатъ.

Нѣтъ, не звѣзда мнѣ изъ лѣсу свѣтила:
Какъ звѣздочка, манилъ меня часъ цѣлый
Огонь вашъ, братцы! Кашицу себѣ
Для ужина варите? Хлѣбъ да соль!

Пастухи.

Спасибо, служба! Хлѣба кушать.

Солдатъ.

Быть такъ,
Благодарю васъ. Я усталъ порядкомъ!
Ну, костыли мои, вамъ роздыхъ! Рядомъ
Я на траву васъ положу, и подлѣ
Присяду самъ. Да, верстъ пятнадцать
Ушелъ я въ вечеръ.

1-ый пастухъ.

А идешь откуда?

Солдатъ.

А изъ Литвы, изъ Виленской больницы.
Вотъ какъ изъ матушки-Россіи ладно
Мы выгнали гостей незваныхъ—я
На первой заграничной перестрѣлкѣ,
Бѣда такая, безъ ноги остался!
Товарищи меня стащили въ Вильну;
Съ годъ лекаря и тѣмъ и сѣмъ лечили,
И вотъ какимъ злодѣи отпустили.
Теперь на костыляхъ бреду кой-какъ
На родину, за Курскъ, къ женѣ и сестрамъ.

2-ой наступъ.

На руку, обопрись! Да не сюда,
А на тулупъ раскинутый ложись.

Солдатъ.

Спасибо, другъ, Господь тебѣ заплатитъ!—
Ахъ, братцы! что за рай земной у васъ
Подъ Курскомъ! Въ этотъ вечеръ, словно чудомъ
Помолодѣлъ я, вволю надышавшись
Тепломъ и запахомъ цѣлебнымъ! Любо,
Легко мнѣ въ воздухѣ родномъ, какъ рыбка
Въ рѣкѣ студеной! Въ царствахъ многихъ
былъ я!

Попробовалъ вездѣ весны и лѣта!
Въ иныхъ краяхъ земля благоухаетъ,
Какъ въ свѣтлый праздникъ русска гене-
ральша,—

И дорого и чудно, да не мило,

Не такъ, какъ тутъ! Здѣсь цѣлымъ тѣломъ
дышишь,
Здѣсь всѣ суставички въ себя впиваютъ
Простой, но сладкій, теплый воздухъ; словомъ,
Здѣсь нѣжишься, какъ въ банѣ старыхъ баръ!
И спать не хочется! Играль бы все
До солнышка въ дѣвичьемъ хороводѣ.

3-ий пастухъ.

И мы-бъ, землякъ, играть не отказались!
Да лихъ нельзя! Село далеко! Стадо-жь
Покинуть безъ присмотра, положившись
Лишь на собакъ, опасно, самъ ты знаешь!
Какъ бытъ! Но вотъ и кашаца послѣла!
Перекрестяся, примемся за ужинъ.
А послѣ, если къ слу тебя не клонить,
То разкажи намъ (говоришь ты складно)
Про старое свое житье-бытье!
Я, чай, вездѣ бывалъ ты, все видалъ:
И домовыхъ, и водяныхъ, и лѣшихъ,
И маленькихъ людей, живущихъ тамъ,
Гдѣ край земли сошелся съ краемъ неба,
Гдѣ можно въ облако любое вбить
Крючекъ или гвоздь и свой кафтанъ повѣсить.

Солдатъ.

Вздоръ мелешь, малый! Уши вянуть! Полно!
Старухи врутъ вамъ, грѣясь на печи,
А вы имъ вѣрите! Какіе черти
Крещеному солдату захотятъ

Представится? Да пыпъ-жь человекъ
 Лукавѣй бѣса! Нѣтъ! другое чудо
 Я видѣлъ, и не въ почъ до пѣтуховъ,
 Но днѣмъ оно предъ нами совершилось!
 Вы слышали-ль, какъ заступился Богъ
 За православную державу нашу,
 Какъ сжалился Онь надъ Москвой горящей,
 Надъ бѣдною землею, не посѣвомъ,
 А вражьими ватагами покрытой---
 И раннюю зиму послалъ намъ въ помощь,
 Зиму съ морозами, какіе только
 Въ Николинъ дѣнь, да около Крещенья
 Трещать и за щеки и уши щиплютъ?
 Свѣжо намъ стало, а французамъ туго!
 И жалко и смѣшно ихъ даже вспомнить!
 Окутались отъ стужи, чѣмъ могли,
 Кто пѣтлой дунегрѣйкой, кто лохмотьемъ,
 Кто ризою поповекой, кто рогожей,
 Убрались всѣ, какъ святочныя хары,
 И пу бѣжать скорѣе изъ Москвы!
 Недалеко ушли же. На дорогѣ
 Морозъ схватилъ ихъ и заставилъ ждать
 Для суднаго на мѣстѣ преступленья:
 У Божьей церкви, имъ оскверненной,
 Въ разграбленномъ амбарѣ, у села,
 Сожжеплаго ихъ буйствомъ.—Мы, бывало,
 Окончивъ трудный переходъ, сидимъ,
 Какъ здѣсь, вокругъ огня и варимъ щи,
 А около лежатъ, какъ это стадо,
 Замерзлые французы. Какъ лежатъ!
 Когда-бъ не лица ихъ и не молчанье,

Подумалъ бы, живымъ на бивакѣ
 Комедию ломають. Тотъ уткнулся
 Въ костеръ горящій головой, тотъ лошадей
 Ввалилъ, какъ шубу, на себя, другой
 Ея копыто гложетъ; тѣ-жъ, какъ братья,
 Обнялись крѣпко, и другъ въ друга зубы
 Воизили, какъ враги!

Пастухи.

Ухъ! страшно, страшно!

Солдатъ.

А между тѣмъ, курьерскій колокольчикъ.
 Вотъ какъ теперь, и тамъ гремитъ, и тамъ
 Прозвякнетъ на морозъ; отовсюду
 Везутъ извѣстья о побѣдахъ въ Питеръ
 И въ обгорѣлую Москву.

1-ый пастухъ.

Э, братцы,

Смотрите, вотъ и къ намъ телѣжка скачетъ,
 И офицеръ про что-то ямщику
 Кричитъ; ямщикъ ужъ держитъ лошадей;
 Не спросятъ ли о чемъ насъ?

Солдатъ.

Помоги

Мнѣ встать: солдату вытянуться надо...

Офицеръ (подъѣхавъ).

Огня, ребята, закуритъ мнѣ трубку!

Солдатъ.

Въ минуту, ваше благородье.

Офицеръ.

Ва?

Товарищъ, ты какъ эдѣсь?

Солдатъ.

Къ женѣ и сестрамъ
Домой тащуся, ваше благородье!
За рану въ чистую уволенъ!

Офицеръ.

Съ Богомъ!

Снеси-жъ къ своимъ хорошее извѣстье:
Мы кончили войну въ столицѣ вражьей;
Въ Парижѣ русскіе отметили честно
Пожаръ московскій! Ну, прости товарищъ!

Солдатъ.

Прощенья просимъ, ваше благородье!

(Офицеръ ульзжаетъ).

Благословеніе Господне съ нами
Отныпѣ и во вѣки буди! Вотъ какъ
Господь утѣшилъ матушку—Россію!
Молитесь, братцы! Божья чудеса
Не совершаются-ль предъ нами явлено!

ЕВГЕНІЙ АБРАМОВИЧЪ БОРАТЫНСКІЙ.

Смерть Багговута.

Взвѣваетъ вѣтръ среди рядовъ
Знамена Марса и Беллоны;
Кипитъ къ отечеству любовь,
Текуть безстрашныя колонны.
Вездѣ сражаетъ супостатъ
Рукою грознаго Арея;
Загрохотала батарея,—
И трупы хладныя лежатъ.
Смерть рыщетъ въ вражескихъ рядахъ,
Пируетъ яростное мщенье;
Летаетъ гибель—и въ сердцахъ
Кипитъ безтрепетное рвенье.
Орудья грозныя ревуть...
Чу!.. вѣсть ужасная несется,
Изъ ряда въ рядъ передается:
Ты палъ, безстрашный Багговуть!
Ты палъ, безтрепетный герой!
Напрасны теплыя моленья...
Не поведешь ужъ за собой
Дружны храбрыхъ въ пыль сраженья.

Среди своихъ великихъ дѣлъ
Ты честь всею дороже ставилъ,
Ты имя русское прославилъ,—
Тебѣ безсмертіе въ удѣлъ.
И въ океанѣ жизни сей
Вѣкъ будетъ жить твой подвигъ громкій;
Его со славою твоею
Узнаютъ поздніе потомки.
Хвала!.. ты съ честью въ полѣ пагъ,
Неся ужасной битвы даня—
И смертию въ кровавой брани
Потомству славу завѣщаль.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ЯЗЫКОВЪ.

А. Н. Вульфъ.

Прощай! Неси на поле чести
Отваги юношескiй жаръ,
Сердечный гласъ вражды и мести
И неизбежный твой ударъ;
За Русь, товарищъ, за свободу
Элады пламенныхъ сыновъ,
На громъ бойницъ, въ огонь и въ воду
Пойдешь ты силенъ и суровъ!

Блаженъ, кто гнѣвомъ упоенный,
Гулялъ на праздникъ мечей,
И вырвалъ дланью вдохновенной
Побѣду родинѣ своей.
Свѣтла кончина боевая;
Блаженъ, кто очи затворилъ,
Последнимъ взоромъ провожая
Побѣтъ и казнь противныхъ силъ!

Уже зардѣлась величаво
Высокихъ подвиговъ заря,

Шумять Суворовскою славой
Знамена русскаго царя,
Да вновь страшилищу Стамбула
Напомнят наши торжества,
Пожаръ Чесмы, чугуль Кагула
И Руси грозныя права!
Дай руку мнѣ: во дни былые,
Въ кругу внимательныхъ друзей,
Я воспѣвалъ пиры лихіе
Кипучей младости твоей:
Я стану пѣть твои побѣды,
Восторгомъ весель боевымъ,
И бурной юности бесѣды,
Наполню именемъ твоимъ!

АЛЕКСѢЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ КОЛЬЦОВЪ.

Военная пѣсня.

(Посвящается князю И. А. Вяземскому).

Затрубили трубы бранныя,
Собралася рать могучая,
Стала грудью противъ недруга—
За цари, за кровь, за родину.

Ты прости теперь, отецъ и мать,
Ты прости теперь, мой милый другъ,
Ты прости теперь, и степь, и лѣсъ!
Дорогая жизнь—весь бѣлый свѣтъ...

Гей, товарищъ мой, желѣзный штыкъ!
Послужи-жь ты мнѣ по-старому:
Какъ служилъ ты при Суворовѣ,
Силачу-отцу, дѣду-воину.

Гей, сестра, ты—сабля острая!
Попируемъ мы у недруга,
Погуляемъ, съ нимъ лотѣшимся,
Выпьемъ браги бусурманскія!..

Ужъ когда мнѣ, добру молодцу,
Присудилъ Богъ сложить голову,—
Не на землю-жъ я сложу ее!
А сложить-сложу—на груди тѣль...

Труба бранная, военная!
Что молчишь? Труби, дай волю мнѣ.
Въ груди сердце богатырское
Закипѣло, расходилося!

МИХАИЛЪ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ.

* *
*

Въ рядахъ мы стояли безмолвной толпой,
Когда хоронили мы друга;
Лишь понь полковой бормоталъ—и порой
Ревѣла осенняя выюга.
Кругомъ кивера, надъ могилой святой
Недвижны, въ туманѣ сверкали,
Уланская шапка да мечъ боевой
На гробѣ досчатомъ лежали.
И билося сердце въ груди не одно,
И въ землю всё очи смотрѣли,
Какъ будто-бы все, что ужъ ей отдано,
Они у ней вырвать хотѣли.
Напрасныя слезы изъ глазъ не текли:
Тоска наши души сжимала,
И горсть роковая прощальной земли,
Упавши на гробъ, застучала.
Прощай пашъ товарищъ, не долго ты жилъ,
Пѣвецъ съ голубыми очами,
Лишь крестъ деревянный себѣ заслужилъ,
Да вѣчную память межъ нами.

Б о р о д и н о .

«Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были жь схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!»

— Да, были люди въ наше время,
Не то, что выѣшшее племя:
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногие вернулись съ поля...
Не будь на то Господия воля,
Не отдали бь Москвы!

Мы долго, молча, отступали.
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что жь мы? На зимлія квартиры?
Не смѣютъ что ли командиры
Чужіе изорвать мушеры
О русскіе штыки?»

И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
Построили редутъ.
У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки

И лѣса снѣга верхушки—
Французы тутъ-какъ-тутъ.

Забилъ зарядъ я въ пушку туго,
И думалъ: угощу я друга!
Постой-ка, братъ мусью!
Что тутъ хитрить, пожалуй къ бою!
Ужъ мы пойдёмъ ломить стѣною,
Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою!

Два дня мы были въ перестрѣлкѣ.
Что толку въ этакой бездѣлкѣ?
Мы ждали третій донь.
Повсюду стали слышны рѣчи:
«Пора добратся до картели!»
И вотъ на поле грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.

Прилежъ вздремнуть я у зафета,
И слышно было до разсвѣта
Какъ ликовалъ французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:
Кто киверъ чистилъ, весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ.

И только небо засвѣтилось—
Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ:

Слуга царю, отецъ солдатамъ...
Да, жаль его: сраженъ булатомъ.
Онъ спитъ въ землѣ сырой.

И молвилъ опъ, сверкнувъ очами:
Ребята! не Москва-ль за нами?
Умремте-жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!..
И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.

Ну-жъ былъ денекъ! Сквозь дымъ летучій
Французы двинулись какъ тучи,
И все на нашъ редуть.
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами—
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.

Вамъ не видать такихъ сраженій!..
Носились знамена какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестяль,
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

Извѣдалъ врагъ въ тотъ день немало,
Что значить русскій бой удалый,
Нашъ рукопашный бой!..

Земля тряслась, какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу кони, люди;
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой...

Вотъ сморклось. Были все готовы
Завтра бой затѣять новый

И до конца стоять...

Вотъ затрещали барабаны—

И отступили басурманы.

Тогда считать мы стали рапы,

Товарищѣй считать.

Да, были люди въ наше время,

Могучее, лихое племя:

Богатыри—не вы!

Плохая имъ досталась доля:

Немногіе вернулись съ поля...

Когда-бъ на то не Божья воля,

Не отдали-бъ Москвы!

В а л е р и к ъ .

Я къ вамъ чепуху случайно,—право.

Не знаю какъ и для чего:

Я потерялъ ужь это право,

И что скажу вамъ?—Ничего!..

Что помню васъ?.. Но Боже правый!

Вы это знаете давно,

И вамъ, конечно, все равно.

И знать вамъ также нѣту нужды.—

Гдѣ я, что я, въ какой глуши?

Душою мы другъ другу чужды...
 Да врядъ ли есть родство души!
 Страницы проплаго читая,
 Ихъ по порядку разбирая
 Теперь остынувшимъ умомъ,
 Разувѣряюсь я во всемъ.
 Смѣшно же сердцемъ лицемѣрить
 Передъ собою столько лѣтъ.—
 Добро-бъ, еще морочить свѣтъ...
 Да, я при томъ, что пользы вѣрить
 Тому, чего ужъ больше нѣтъ,
 Безумно ждать любви заочной?..
 Въ нашъ вѣкъ всѣ чувства лишь на срокъ.
 Но я васъ помню—да и точно
 Я васъ никакъ забыть не могъ!
 Во первыхъ, потому что много
 И долго, долго васъ любилъ;
 Потомъ страданьемъ и тревогой
 За дни блаженства заплатилъ;
 Потомъ въ раскаяннн бесплодномъ
 Влечилъ я цѣпь тяжелыхъ лѣтъ
 И размышленіемъ холоднымъ
 Убилъ послѣдній жизни цвѣтъ...
 Съ людьми сближаясь осторожно,
 Забылъ я шумъ младыхъ проказъ,
 Любовь, поэзію... но васъ
 Забыть мнѣ было невозможно!
 И къ мысли этой я привыкъ:
 Мой крестъ несу я безъ роптанья;
 То иль другое наказанье—
 Не все-ль одно? Я жизнь постигъ:

Судьбѣ, какъ турокъ или татаринъ,
 За все равно я благодаренъ,
 У Бога счастья не прошу
 И молча зло переношу!..
 Быть можетъ, небеса Востока
 Меня съ ученьемъ ихъ пророка
 Невольно сблизил. Притомъ
 И жизнь всечасно кочевая,
 Труды, заботы ночь и днемъ,
 Все, размышленію мѣшая,
 Приводитъ въ первобытный видъ
 Большую душу; сердце спитъ,
 Простора вѣтъ воображенью
 И пѣтъ работы головѣ...
 За то лежишь въ густой травѣ
 И дремлешь подъ широкой тѣнью
 Члнръ, или виноградныхъ лозъ.
 Кругомъ бѣлѣются палатки;
 Казачьи толціи лошадки
 Стоять рядкомъ, повѣся носъ,
 У мѣдныхъ пушекъ спитъ прислуга;
 Едва дымятся фитилл;
 Поварню цѣль стоитъ вдали,
 Штыки горятъ подъ солнцемъ юга.
 Вотъ—разговоръ о старинѣ
 Въ палаткѣ ближайшей слышенъ мнѣ:
 Какъ при Ермоловѣ ходил
 Въ Чечню, въ Аварію, къ горамъ,
 Какъ тамъ дрались, какъ мы ихъ били,
 Какъ доставалось и намъ...
 И вижу я, неподалеку,

У рѣчки, слѣдуя пророку,
 Мирной татаринъ свой намазь
 Творить, не подымая глазъ.
 И вотъ кружкомъ сидятъ другіе:
 Люблю я цвѣтъ ихъ желтыхъ лицъ
 Подобный цвѣту паговиць,
 Ихъ шапка, рукава худые,
 Ихъ томный и лукавый взоръ
 И ихъ горланпый разговоръ.

Чу!—дальній выстрѣлъ... прожужжала
 Шальная пуля... славпый звукъ!..
 Вотъ крикъ—я снова все вокругъ
 Затихло... Но жара ужъ спала:
 Ведутъ коней на водопой,
 Запевелилася пѣхота,—
 Вотъ проскакаль одинъ, другой...
 Шумъ, говоръ... «Гдѣ вторая рота?»
 «Что? Выучить?»—«Что же капитанъ?»
 «Повозки выдвгайте,—живо!»
 «Савельичъ!..»—«Ой-ли?»—«Дай огниво!»
 Подъемъ ударилъ барабанъ;
 Гудить музыка полковая;
 Между колопнами въѣзжая,
 Звенятъ орудья; генераль
 Впередъ со свитой поскакаль;
 Разсыпались въ широкомъ полѣ,
 Какъ пчелы съ гикомъ казаки;
 Ужъ показался значки
 Тамъ, на олушкѣ—два и болѣ;
 А вотъ въ чалмѣ олимпъ мюридь
 Въ черкескѣ красной ѣздитъ важно,

Конь свѣтло-сѣрый весь книгъ,
Опъ машеть, кличетъ... Гдѣ отважной?
Кто выйдетъ съ нимъ на смертный бой?..
Сейчасъ... Смотрите: въ шалкѣ черной
Казакъ пустился гребенской,
Винтовку выхватилъ проворно,
Ужъ близко... выстрѣлъ... легкій дымъ...
«Ей вы, станичники, за нимъ!..»
«Что? раненъ?»—Ничего, бездѣлка!—
И завязалась перестрѣлка.

Но въ этихъ спибкахъ удалыхъ
Забавы много, толку мало:
Прохладнымъ вечеромъ, бывало,
Мы любовались на нихъ
Безъ кроваваго волпенья,
Какъ на трагическій балетъ;
За то видалъ я представленья,
Какихъ у васъ на сценѣ гдѣтъ...

Разъ—это было подъ Гехами—
Мы проходили темный лѣсъ,
Огнемъ дыша, пылалъ надъ нами
Лазурно-яркій сводъ небесъ.
Намъ былъ обѣщанъ бой жестокой.
Изъ горъ Ичкеріи далекой
Уже въ Чечню на бранный зовъ
Толпы стекались удалцовъ.
Надъ допотопными лѣсами
Мелькали маяки кругомъ,
И дымъ ихъ—то видяся столбомъ,
То разстился облаками,
И оживились лѣса,

Скликались дико голоса
 Под ихъ зелеными шатрами...
 Едва лишь выбрался обозъ
 Въ поляну—дѣло началось.
 Чу! въ аррьергардъ орудье просятъ:
 Вотъ ружья изъ кустовъ выносятъ,
 Вотъ тащатъ за ноги людей
 И кличутъ громко лѣкарей...
 И вотъ изъ лѣса, изъ опушки,
 Вдругъ съ рикомъ кинулись на пушки...
 И градомъ пуль съ вершинъ деревьевъ
 Отрядъ осыпанъ... Впереди-же
 Все тихо... Тамъ между кустовъ,
 Бѣжалъ потокъ... подходимъ ближе...
 Нуслили нѣсколько грапатъ,
 Еще подвинулись... молчатъ!
 Но вотъ, падъ бревнами завала,
 Но вотъ, падъ бревнами завала,
 Ружье какъ будто заблестало,
 Потомъ мелькнули шапки двѣ —
 И вновь все спряталось въ травѣ.
 То было грозное молчанье!
 Недолго длилось оно,
 Но въ этомъ странномъ ожиданьи
 Забилось сердце не одно...
 Вдругъ заливъ... глядимъ: лежатъ рядами...
 Что нужды? Здѣшние полки
 Народъ испытанный... «Въ штыки!..
 Дружнѣ!»—раздалось за нами.
 Кровь загорѣлася въ груди.
 Всѣ офицеры впереди;
 Верхомъ помчался на завалы

Кто не успѣлъ срыгнуть съ коня.
Ура! и смолкло... «Вонъ кинжалы!...
Въ приклады!...» и пошла рѣзня...
И два часа въ струяхъ потока
Бой длился; рѣзались жестоко,
Какъ звѣри—молча, съ грудью грудь...
Ручей тѣлами запрудили:
Хотѣлъ воды я зачерпнуть —
И зной и битва утомили
Меня—но мутная волна
Была тепла, была красна...
На берегу подъ тѣнью дуба,
Пройдя заваловъ длинный рядъ,
Стоялъ кружокъ. Одинъ солдатъ
Былъ на коѣнахъ; мрачно, грубо
Казалось выраженье лицъ,
Но слезы капали съ рѣсницъ,
Покрытыхъ пылью. На шинели,
Спиною къ дереву, лежалъ
Ихъ капитанъ... Онъ умиралъ:
Въ груди его едва чернѣли
Двѣ раны; кровь изъ нихъ чуть-чуть
Сочилась; но высоко грудь
И трудно подымалась; взоры
Бродили страшно, онъ шепталъ:
«Спасите братья!.. Тащутъ изъ горы!..
Постойте!.. Гдѣ же генералъ?..
Не слышу...» Долго онъ стоялъ.
Но все слабѣй, и понемногу
Затихъ—и душу отдалъ Богу.
На ружья опершись, кругомъ

Стояли усачи сѣдые
И тихо плакали... потомъ
Его останки боевые
Покрыли бережно плащемъ
И понесли... Тоской томимый,
Имъ вслѣдъ смотрѣлъ я недвижимый.

Уже затихло все; тѣла
Стащили въ кучу... Кровь текла
Струею дымной по камнямъ:
Ея тяжелымъ испареньемъ
Былъ полонъ воздухъ. Генераль
Сидѣлъ въ тѣни на барабанѣ
И донесеня принималъ.
Окрестный лѣсъ, какъ бы въ туманѣ,
Сиялъ въ дыму порохомъ;
А тамъ вдали—грядой нестройной,
Но вѣчно гордой и спокойной,
Тянулись горы, и Казбекъ
Сверкалъ главой остроконечной.
И съ грустью тайной и сердечной
Я думалъ: жалкій человекъ!
Чего онъ хочетъ?... Небо ясно;
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ:
Но безпрестанно и напрасно
Одишь, враждуешь онъ... Зачьмъ?
Галубъ прервалъ мое мечтанье,
Ударивъ по плечу—онъ былъ
Кунакъ мой,—я его спросилъ:
— Какъ мѣсту этому названье?
Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Валерикъ —
А перевести на вашъ языкъ

Такъ будетъ—рѣчка смерти; вѣрно,
Дано старинными людьми!»

— А сколько ихъ дралось, примѣрно,
Сегодня?—«Тысячъ до семи».

— А много горцы потеряли?

«Какъ знать! Зачѣмъ вы не считали?»

— Да, будетъ, кто-то тутъ сказалъ,
Имъ въ память этотъ день кровавый! —
Чеченецъ посмотрѣлъ лукаво
И головою покачалъ...

Но я боюсь вамъ наскучить.

Въ забавахъ свѣта вамъ смѣшны
Тревоги дикія войны;

Свой умъ вы не привыкли мучить
Тяжелой думой о концѣ;

На вашемъ молодомъ лицѣ

Слѣдовъ заботы и печали

Но отыскать, и вы едва ли

Вблизи когданибудь видали,

Какъ умираютъ... Дай вамъ Богъ

И не видать!.. Иныхъ тревогъ

Довольно есть; въ самозабвеньи

Не лучше ль кончить жизни путь,

И безпробуднымъ сномъ заснуть

Съ мечтой о близкомъ пробужденьи?

Теперь прощайте!—Если васъ

Мой безъискусственный рассказъ

Развеселитъ, займетъ хоть малость —

Я буду счастливъ; а не такъ...

Простите мнѣ сего, какъ шалость,

И тихо молвите: чужакъ!

ВЛАДИМИРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ БЕНЕДИКТОВЪ.

Бранная красавица.

Она чиста, она свѣтла
И убрана серебромъ и златомъ;
Она душѣ моей мила,
Она дружна со мной, какъ съ братомъ.
Она стыдится наготы,
Пока все дремлетъ въ сладкомъ мирѣ;—
Тогда царица красоты
Въ своей скрывается порфирѣ,
Свой острый взоръ, блестящій видъ
И сталь свой выгнутый тантъ.
Но лишь промчится вихорь брани,—
Она является нагой,
Объята волна рукой,
И блещетъ, будто роковой
Огонь въ Юпитеровой длани.
Она къ сердцамъ находитъ путь,
И хотъ лобзасть безъ желанья,
Но съ болью проникаютъ въ грудь
Ея жестокия лобзанья.
Когда пага,—она грозитъ,
Она блещитъ, она разитъ;
Но громъ военный утихаетъ—

И утомленная рука
Ее покровомъ облакаетъ,
И вотъ она—тиха, кротка,
И съ боку друга отдыхаетъ.

Р а з л у к а.

«Поле славы предо мною;
Отпусти меня, любовь!
Тамъ—за Нѣманомъ-рѣкою
Свищутъ пули, брызжетъ кровь;
Здѣсь не мѣсто быть солдату:
Тамъ и братья и враги;
Дѣва милая, къ возврату
Другу сердце сбереги!»
Дѣвы очи опустились
Къ обручальному кольцу,
И по блѣдному лицу
Вдругъ обильно покатались
Токи жгучихъ слезныхъ струй;
При словахъ: прости, мой милый!
Будто роза близъ могилы
Паль прекрасной поцѣлуй.

Не тучи надъ міромъ грозу замышляютъ—
Сближаются мѣрно двѣ рати враговъ;
Не хладно, не сухо другъ друга встрѣчаютъ—
При первыхъ привѣтахъ и пламя и кровь.
Всѣмъ блещетъ смерти ядро боевое,
Врываясь въ колонну, рядъ валить на рядъ.

Вотъ прыснулъ картечный язвительный градъ,
 Все лометь и рветъ онъ въ рѣдѣющемъ строѣ.
 Все ближе и ближе враги межъ собой—
 Исторглись изъ ружей свинцовыя брызги,
 Пронзительно въ слухъ ударяють ихъ визги,
 И стрѣй навалился на вражескій строй
 И роетъ лытками противниковъ груди,
 Кровь хлещетъ волнами и падаютъ люди;
 Сливаются стоны и ржанье и трескъ,
 И мечется въ дымѣ порывистый блескъ.

Ужъ полночная крикунья
 Дико крикнула сова;
 Свѣтомъ звездъ и полнолуныя
 Свѣтитъ ноба синева;
 Посреди нѣмой равнины,
 Погрузившись въ смертный хладъ,
 Безобразныя руины
 Человѣчества лежатъ.
 Чей здѣсь трупъ?—Чело разбито.
 Исказилась красота,
 Черной язвой грудь раскрыта,
 Сжаты ещя уста.
 Пораженъ враждебною силой
 Юный ратникъ палъ въ борьбѣ:
 Не воротится твой милый,
 Дѣва милая, къ тебѣ.

ФЕДОРЪ ИВАНОВИЧЪ ТЮТЧЕВЪ.

Прѣзжая черезъ Ковно.

Ты ль это, Нѣманъ величавый?
Твоя ль струя передо мной?
Ты столько лѣтъ, съ такою славою —
Россіи вѣрный часовой!

Одинъ лишь разъ, по волѣ Бога,
Ты суноштата къ ней впустилъ
И цѣлость Русскаго народа
Ты тѣмъ навѣки утвердилъ.

Ты помнишь ли бывшее Нѣманъ, —
Тотъ день години роковой,
Когда стоялъ онъ надъ тобой,
Онъ самъ, — могучій южный демоу?

И ты какъ нынѣ протекалъ,
Шумя подъ вражскими мостами,
И онъ струю твою ласкалъ
Своими чудными очами.

Побѣдно шли его полки,
Знамена весело шумѣли,
На солнцѣ искрились штыки,
Мосты подъ пушками гремѣли.

И съ высоты, какъ нѣкій богъ,
Казалось, опъ париль надъ ними,
И двигалъ все и все стерегъ
Очами чудными своими.

Лишь одного онъ не видалъ!
Не видѣлъ опъ, воитель дивный,
Что тамъ, на сторонѣ противной,
Стоялъ Другой—стоялъ и ждалъ...

И мимо проходила рать,
Все грозно-боевыя лица.
И неизбѣжная десница
Клала на нихъ свою печать.

И такъ побѣдно шли полки,
Знамена гордо развѣвались
Струились молніей штыки
И барабаны заливались...

Несмѣтно было ихъ число...
И въ этомъ безконечномъ строе
Едва ль десятое чело
Клеймо минуло роковое...

**
*

Вотъ отъ моря и до моря
Нить желѣзная бѣжитъ,
Много славы, много горя
Эта нить порой вѣститъ

И за ней слѣдя глазами,
Путникъ видитъ, какъ порой
Птицы вѣщія садятся
Вдоль по нити вѣстовой.

Вотъ съ поляны воронъ черный
Прилетѣлъ и сѣлъ на ней,
Сѣлъ и каркнулъ, и крылами
Замахалъ опъ веселѣй.

И кричитъ опъ, и ликуетъ,
И крутится все надъ пей.
Ужъ не кровь ли воронъ чуетъ
Севастопольскихъ вѣстей?..

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ НЕКРАСОВЪ.

*
**

Внешая ужасамъ войны,
При каждой новой жертвѣ боя
Нѣтъ жаль не друга, не жены,
Нѣтъ жаль не самого героя...
Увы! утѣшится жена,
И друга лучшаго другъ забудетъ;
Но гдѣ то есть душа одна —
Она до гроба помнить будетъ!
Средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ
И всякой пошлости и прозы,
Однѣ я въ мѣрѣ подсмотрѣлъ
Святыя, искреннія слезы —
То слезы бѣдныхъ матерей!
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погнѣвшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поликнувшихъ вѣтвей.

Страшный годъ.

Страшный годъ! Газетное витійство
И рѣзня, проклятая рѣзня!
Впечатлѣнья крови и убійства,
Вы въ конецъ измучили меня!

О любовь!—гдѣ всѣ твои усилья?
Разумь!—гдѣ плоды твоихъ трудовъ?
Жадный пяръ злодѣйства и насилья,
Торжество картечи и штыковъ!

Этотъ годъ готовить я для впуковъ
Сѣмена раздора и войны. .
Въ мѣрѣ нѣтъ святыхъ и кроткихъ звуковъ,
Нѣтъ любви, свободы, тишины!

Гдѣ вражда, гдѣ трусость роковая,
Мстятая—купаются въ крови,
Стонъ стоитъ надъ міромъ не смолкая;
Только ты, поэзія святая,
Ты молчишь, дочь счастья и любви!

Голосъ твой, увы, безсиленъ нынѣ!
Сгибнетъ опъ, ненужный никому,
Какъ цвѣтокъ, потерянный въ пустышѣ,
Какъ звѣзда, упавшая во тьму.

Прочь, о, прочь сомнѣнья роковыя!
Какъ прийти могли вы на уста?
Вѣрю, есть еще сердца живыя,
Для кого поэзія свята.

Но гремѣль, когда они родились,
Тотъ же громъ, ручьями кровь лила:
Эти души кроткія смутились,
И, какъ птица въ бурю, притаились
Въ ожиданьи свѣта и тепла.

ГРАФЪ АРСЕНІЙ АРКАДЬЕВИЧЪ
ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ.

*

Мы шли дорогою. Позя по сторонамъ,
Осеннія поля, печальныя, пустыя,
Дремали въ сумракѣ, и тѣни голубыя
Съ небесъ полуночныхъ слетали тихо къ намъ.
Безмолвствовалъ весь міръ въ отрадѣ чудной
ночи,

Лишь неба звѣзднаго внимательныя очи
Уставились на насъ, какъ будто говоря:
«Покоя часъ насталъ, угаснула зари,
Умолкъ вседневный шумъ, утихнули тревоги;
Сверните, странники усталые, съ дороги;
Природу мирную объемлетъ мирный сонъ,—
Пусть въ мракѣ и ночи и васъ объемлетъ окъ!»
Но мы не слушали, что звѣзды намъ шептали;
Въ насъ страсти дикія побѣдно бушевали,
И въ злобный, шумный міръ, на праздникъ
суеты,

Неслись мятежныя, безумныя мечты!
Намъ слышался вдали зловѣщій шумъ сра-
женья
И влчковъ яростныхъ, и стоповъ грозный хоръ,

Немолчный громъ и трескъ орудій разрушенья,
Мечей бряцаніе и нушекъ разговоръ.

Какихъ-то тяжкихъ волнъ намъ плески до-
носились —

То кровь людей текла широкою рѣкой...

Туда, на этотъ плескъ и стоны мы стремились,
Насъ прелестью убійствъ дразнилъ далекий
бой!

Хотѣлось драться намъ—и мы кричали смѣло:
«Въ отмщскіе небесъ поруганныхъ—впередь!»
А небо ясное безоблачно синѣло;

Въ немъ заводился звѣздъ обычный хороводъ.
И ночь тиха была, и мѣсяцъ, безпрестанно
На праведныхъ и злыхъ взирая съ высоты,—
«Не полно-ль убивать другъ друга вамъ на-
прасно?»

Шептала съ улыбкою добра и красоты.

Шествіе войны.

Она идетъ съ нахмуреннымъ челомъ,
Съ сверкающимъ, палитымъ кровью взоромъ,
Съ высоко поднятымъ въ рукѣ мечомъ,
Съ безсмысленнымъ кровавымъ приговоромъ.

И въ страшный часъ—затиньла предъ грозой,
Когда въ сердцахъ рождаются молитвы,
Когда еще надъ трепетной землей
Не грянулъ громъ надвинувшейся битвы,

Какъ въ оны дни зачинщикъ-великанъ.
Она кричитъ, оружемъ потрясая:

«Что взяли вы, мечтатели всѣхъ странъ,
Вы, предвозвѣстники земного рая?»

«Вы, свѣтлыхъ грезъ безумные творцы,
Откпнувшіе бранныя одежды,
«Любви и братства жалкіе пѣвцы —
«Что взяли вы? Гдѣ ваша всѣ надежды?»

«Я поднялась—и вотъ опять кругомъ
«Угрозы, брань и крики раздаются;
«Мгновенье—и грянетъ битвы громъ.
«И рѣки крови ю землѣ прольются».

Она идетъ—и смерть за ней во слѣдѣ,
Безглазая и жадная несется,
Приплясываетъ съ радости, смѣется
И хищниковъ сзываетъ на обѣдѣ.

И стаи отсюду мчатся враны,
Но впемя миру свѣтлому весны,
Въ далекій путь, на полдень, за Балканы.
На жирный паръ и празднество войны.

М о л ь б а .

Убийства каждой не объятый,
Я бранныхъ пѣсонъ не пою,
И душу мирную мою
Не тѣшатъ ярыхъ битвъ раскаты.
Я пѣмъ и глухъ къ громамъ войны.
Но вопли жертвъ мой духъ терзаютъ:

Они побѣдно заглушаютъ
Веселье, шумъ и плескъ весны!
Несутся прочь мечты, желанья,
Блѣднѣетъ образъ красоты,
И я рыдаю пѣснь страдающаго
Окровавленной нищеты!
Мнѣ чудятся проклятья, стѣны,
Зубовный скрежетъ, смерти дрожь...
Богачь!—давай свои милльоны!
Бѣднякъ!—неси послѣднш грошъ!
А пѣть гроша?—хватай рубаху,
Одежды дѣтокъ и жены;
Все, все, что есть, кидай на плаху
Все пожирающей войны!
Не содрогайся передъ кровью,
Омой ты раны на тѣлахъ
Бойцовъ, поверженныхъ во прахъ.
И подбитыхъ твоей любовью.
И счастливъ будь, когда хоть разъ
Страдалецъ—жертва злобы дикой —
Тебя въ душѣ своей великой
Благословитъ въ послѣднш часъ.

О р л ы.

Ихъ горсть—и вотъ взметаетъ Сулейманъ
Свои на нихъ песмѣтныя дружины.
Призывъ къ борьбѣ подымаетъ вражш сташъ:
Аллахъ, Аллахъ!—и лѣзутъ на вершины.
Они жъ стоятъ безтрепетнш скалы
И гордо ждутъ кровавой, страшной встрѣчи,

Нодь градомъ пуль, и ядерь, и вартечи —
Они стоять—балканскіе орлы!
Грохочуть дни, огнемъ пылають ночи,
Безъ устали борьба кипить кругомъ;
Но не сломить врагамъ ихъ дивной мочи,
Не овладѣть грозящимъ ихъ гнѣздомъ!
Взглядъ каждый ихъ, какъ молоній сверканье,
Гласить врагамъ: идите—не страшусь!
Предъ ними смерть, и гибель, и стenanье.
Надъ ними—Богъ, а позади—вся Русь!
Вся Русь имъ шлетъ свои благословенья,
Всѣ взоры слезъ и радости полны,
Полны надеждъ, любви и удивленья,
На подвигъ ихъ святой обращены.
И врагъ бѣжить, громами ихъ гонимый,
Они жъ стоять средь ужаса и мглы,
Какъ выся горъ, тверды, непобѣдимы,
Безсмертныя балканскіе орлы!

Р о д н а я.

Поклинувъ родину и дождь, она пошла
Туда, куда текла всѣ русскія дружины.
Нодь ветхимъ рубищемъ въ душѣ она несла
Безцѣнный кладъ любви, участія и кручины.
Тяжелъ былъ дальній путь, и зной ее палилъ,
И вѣтеръ дулъ въ лицо, и въ полѣ дождь
жучелъ;
Она жъ все шла да шла, съ мольбой усерд-
ной Богу,
И къ подвигамъ нашла желзную дорогу.

Ужъ скрылся позади рубежъ земли родной.
Чу! слышенъ битвы громъ, холмовъ дымятся
склоны;

Восторгъ отчаянной и дикой обороны
Съ редутовъ Гривинцы и Плевны роковой
На русскіе подки огнемъ к смерти дышетъ;
Но чуткая любовь не грохотъ въ битвѣ слы-
шать,

Не ей твердыни брать, не ей смирать враговъ.
Мужичкѣ-странницѣ зныя вятны звуки,
Иной съ побойцѣ къ ней несется громкій
зовъ —

Томящей жажды кликъ и вопли смертной
муки.

И вотъ она въ огнѣ: визжитъ падъ ней картечь,
Рои летаютъ пуль, гранаты съ трескомъ
рвутся,

Увѣчья, раны, смерть! Но ей ли князь беречь?
Кругомъ мольбы и стонъ — и рѣки крови
льются!

Страдальцевъ изъ огня, изъ схватки боевой
Она уносить прочь, полна чудесной силы,
И жаждущихъ поить студеною водою,
И ростъ мертвецамъ съ молитвою могилы.
Какъ звать ее? Богъ вѣсть, да и не все ль
равно?

Лучъ славы падъ ей не блещетъ головою,
Одно ей прозвище негромкое дано:
Герои русскіе зовутъ ее «родною».

П л е в н а .

I.

Въ ожиданіи.

Какимъ-то медленнымъ огнемъ
Душа усталая томима.
За часомъ часъ и день за днемъ.
Не торопясь, проходятъ мимо.
Понастье, желтые листы,
Осенней вьюги завыванье,
Бъ умъ недвижныя мечты,
Въ груди невольное страданье!
Примчится вѣсть издалика,
Кругомъ запахнетъ кровью братской,
И вновь безмолвіе, тоска,
Покой—ужаснѣй муки адской!
И вновь надежды и мечты,
Желанной вѣсти ожиданье,
Осенней вьюги завыванье,
И дождь, и желтые листы!...
Прочь, духъ сомнѣній ядовитый!
Пусть мракъ сдвигается кругомъ.
Пусть льется дождь на насъ сердитый.
Пусть буря стобетъ—переждемъ!
Не одолѣетъ насъ невзгода.
Стряслась бѣда—спесемъ бѣду!
Сыны великаго народа,
Мы въ паню вѣруемъ звѣзду.

И проклять будь, чей дух смутится,
Чей въ страхъ поблѣднѣетъ ликъ,
Кто малодушно усомнится
И дрогнуть хотъ единый мигъ.

II.

Послѣ побѣды.

Побѣда! На душѣ какъ будто легче стало.
Ужъ «завтра» не грозитъ стыдомъ или бѣдой,
Что жъ медлимъ сбросить мы печали покрывало
И въ шумной радости затѣять пиръ горой?

Побѣда! Какъ давно и жадно этой вѣсти
Мы ждали! День насталь; что жъ сердце не
кипитъ
Ни страстнымъ торжествомъ, ни упоеньемъ
мести?
Какая тягота еще его томить?

Иль намъ не вѣрится? Иль жалко намъ чего-то?
Иль душу возмутилъ войны кровавый слѣдъ?
Иль обуяла насъ безвременно дремота?
Иль славы ждемъ иной, иныхъ хотимъ побѣдъ?

Кто скажетъ? Кто рѣшитъ—то мудрость иль
безумье?

Грядущее для насъ свѣтло или темно?
Народа русскаго глубокое раздумье,
Какъ моря тишину, постигнуть мудрено.

АНАСТАСІЙ АНАСТАСЬЕВИЧЪ ФЕТЬ.

Севастопольское братское кладбище.

Какой тутъ дышетъ миръ! Какая славы
тризна!

Средь кипарисовъ, митръ и каменныхъ гробовъ
Рукою набожной сложила здѣсь отчизна
Священный прахъ своихъ сыновъ.

Онѣ и подъ землей отвагой прежней дышатъ!
Боекъ, мои стоны покой ихъ возмутятъ,
И, мнится всё они шаги живого слышатъ,
Но лишь молитвенно молчатъ.

Счастливыцы, вышею пыдали вы любовью:
Тутъ, что ни мавзолей, ни надпись, — все боецъ,
И рядомъ улеглись своей залиты кровью,
И дѣдъ со внукомъ, и отецъ.

Изъ каменныхъ гробовъ ихъ голосъ вѣчно
слышеть:

Имъ внуковъ поучать навѣки суждено.
Ихъ слава такъ чиста, ихъ жребій такъ воз-
вышенъ,
Что имъ завидовать грѣшно.

АПОЛЛОНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ МАЙКОВЪ.

Ц а в е л и х а.

Съ горь Али-паша па Сули
Въ петерпѣньи взоры мечеть,
А надъ нимъ порхаетъ птичка,
И кружится, и щебечеть:

«Видю это не Янина,
Гдѣ шумять твои фонтаны;
Не Превеза, гдѣ ты ставишь
Для своихъ Албанцевъ станы.

«Это Сули, городъ славный!
Нѣтъ ей равнаго на свѣтѣ!
Здѣсь въ рядахъ мужей воюють
Жены, дѣвицы и дѣти!

«И съ ружьемъ въ рукѣ выводитъ
Всѣхъ Цавелиха ихъ въ поле —
На плечахъ съ груднымъ младенцомъ
И съ патронами въ подолѣ!»

ЯКОВЪ ПЕТРОВИЧЪ ПОЛОНСКІЙ.

Т у д а!

Kennst du das Land...
Гече...

Ты знаешь ли тотъ край, гдѣ высятся Балканы,
Гнѣздо грабителей, орды и Божьихъ грозъ.
Гдѣ солнца зной гноитъ зіяющія раны,
И трупный запахъ слѣтъ съ благоуханьемъ
розъ?

Туда, туда, о, милый мой,
Умчалась бы я слѣдомъ за тобой!...

Ты знаешь ли тѣхъ страсть поля и вертоградъ,
Откуда, какъ изъ тучъ, свинецъ шумитъ
дождемъ:

Гдѣ криковъ не слышать подъ бурей канонады,
Гдѣ рабъ свободы ждетъ, и льется кровь
ручьемъ?

Туда, туда, о милый мой,
Умчалась бы я слѣдомъ за тобой!..

Ты знаешь ли тотъ край, гдѣ страшное стра-
данье

Встрѣчаетъ стономъ нашъ привычный къ
лести слухъ.

Удѣ женщина въ трудѣ найдетъ свое при-
знанье

И закалитъ въ борьбѣ извѣженный свой
духъ? ---

Въ тотъ страшный край, о, милый мой,
Умчалась бы я слѣдомъ за тобой!..

К. Р.

П о л к ъ .

Нашъ полкъ! Завѣтное, чарующее слово
Для тѣхъ, кто смолоду и всей душой въ строю.
Другимъ оно старо, для насъ—все такъ же ново
И знаменуетъ намъ и братство, и семью.

О, знамя ветхое, краса полка родного,
Ты, бранной славою вѣнчанное въ бою!
Чье сердце за твои доскутья не готово
Все блага позабыть и жизнь отдать свою?

Полкъ учишь насъ терпѣть безропотно лишенья
И жертвовать собой въ пылу святого рвенья.
Все благородное: отвага, доблесть, долгъ,

Лихая удалъ, честь, любовь къ отчизнѣ славной,
Къ великому Царю и вѣрѣ православной
Въ единомъ словѣ томъ сливается: нашъ полкъ!

КОНСТАНТИНЪ ДМИТРИЕВИЧЪ БАЛЬМОНТЪ.

Крикъ часового.

Сонетъ.

Пройдя луга, лѣса, болота, горы,
Завоевавъ чужіе города,
Солдаты спятъ. Потухнувшіе взоры —
Въ предѣлахъ думъ. Слуетъ ихъ череда.

Сацы, пещеры, замки изъ льда;
Забутыхъ словъ созвучные узоры,
Невинность чувствъ, полюбшихъ навсегда, —
Солдаты спятъ, какъ нищие, какъ воры.

На завтра бой. Поспѣшенъ бѣгъ минутъ.
Всѣ спятъ. Все спятъ. И пусть. Я—вѣрный
тутъ.

До завтра своимъ безопасно усладитесь.

Но чу! Во тьмѣ—чуть слышныя шаги.
Ихъ тысячи. Все ближе. А! Враги!
Товарищи! Товарищи! Проснитесь!

В о й н а.

I.

Исторія людей —
Исторія войны,
Разпузданность страстей
Въ театрѣ Сатаны.

Страна тѣснить страну,
И взглядъ встрѣчаетъ взглядъ.
За краткую весну
Несчетный рядъ расплатъ.

У бѣшенства мечты
И бѣшенный языкъ,
Личина доброты
Снадасть въ быстрый мигъ.

Что правдою зовутъ,
Мучительная ложь.
Смѣются ль—тутъ какъ тутъ
За пазухою ножъ.

И снова льется кровь
Изъ темной глубины.
И вотъ мы вновь, мы вновь —
Актеры Сатаны.

II.

Боже мой, о Боже мой, за что мои страданья?
Нуженъ я, и кротокъ я, а страшный міръ
жестокъ.

Яственно я чувствую весь ужасъ трепетанья
Тысячь рукъ оторванныхъ, разбитыхъ рукъ
и ногъ.

Гвущіяся въ воздухъ безумныя гранаты,
Бывшій человѣческимъ и ставшій звѣрскимъ
взглядъ,

Звуковъ сумасшествія тяжелые раскаты,
Гимнъ свинца и пороха, пальвы пуль зведятъ.

Соммы пчель убійственныхъ, что жалятъ въ
самомъ дѣлѣ

И готовятъ Дьяволу не желтый, красный медь,
Соты динамитные, летучія шраннели,
Помыслы люддитные, свирѣдый дулеметь.

А далеко, въ Городѣ, гдѣ воръ готовить смѣты,
Люди вѣрковыйные смѣются, пьютъ, ѣдятъ.
Слышится: «Что новаго?» Слегка шуршать
газеты.

«Вы сегодня въ Оперѣ?» — «Въ партерѣ, пя-
тый рядъ».

Широко замыслены безмѣрныя мученья,
Водопадъ обрушился, и Хаосъ—властелянъ,
Все мое потоплено, кипитъ, гудитъ течелье, —
Я, цвѣты собирающій, что жъ сдѣлаю одинъ?

Война. не вражда.

Мнѣ странно подумать, что трезвые люди
Способны затѣять войну.

И весь—въ созерцательномъ радостномъ чувствѣ,
У ласковой мысли въ изъѣну.

Мнѣ странно подумать, что люди враждуютъ,
И каждому радъ уступить.

Мечты мнѣ смѣются, любовно колдуютъ,
И ткуть золотистую нить.

Настолько исполненъ я ихъ ароматомъ,
Настолько чужда мнѣ вражда,

Что, если бь въ сраженіи быть я солдатомъ.
Спокойно бь стрѣлять я тогда.

Стрѣлялъ бы я мѣтко, изъ честности бранной,
Но вѣрнѣль бы въ жизнь глубоко.

Безъ гнѣва, безъ страха, безъ злобы обманной,
Убилъ бы и умеръ легко.

И зпалъ бы, убивши, легко умирая,
Что все же мы братья сейчасъ.

Что это ошибка, ошибка чужая
На мигъ затуманила насъ.

На полѣ Куликовомъ.

I.

Рѣка раскинулась. Течеть, груститъ лѣниво
И моетъ берега.

Надъ скудной глиной желтаго обрыва
Въ степи грустятъ стога.

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Намъ ясенъ долгій путь!

Нашъ путь—стрѣлой татарской древней воли
Пронзидъ намъ грудь.

Нашъ путь степной, нашъ путь—въ тоскѣ
безбрежной,

Въ твоей тоскѣ, о Русь!

И даже мглы ночной и зарубежной
Я не боюсь.

Пусть ночь. Домчимся. Озаримъ кострами
Степную даль.

Въ степномъ дыму блеснетъ святое знамя
И ханской сабли сталь...

И вѣчный бой! Покой намъ только снится.
Сквозь кровь и пыль
Летить, летить степная кобылица
И мнетъ ковыль...

И нѣтъ конца! Мелькаютъ версты, кручи...
Останови!
Идутъ, идутъ испуганныя тучи,
Закатъ въ крови!

Закатъ въ крови! Изъ сердца кровь струится!
Плачь сердце, плачь:
Покая нѣтъ! Степная кобылица
Несется вскачь!

II.

Мил. самъ другъ, надъ стенью въ полночь стали:
Не вернуться, не взглянуть назадъ.
За Непрядвой лебеди кричали.
И опять, опять оня кричать...

На пути—горючій бѣлый камень.
За рѣкой—поганая орда.
Слѣтлый стягъ надъ паними полками
Не выграетъ больше никогда.

И къ землѣ склонившись головою,
Говорить мнѣ другъ:—Остри свой мечъ,
Чтобъ не даромъ биться съ татарвою,
За святое дѣло мертвымъ лечь!

Я не первый воинъ, не послѣдній —
Долго будетъ родина больна.
Помни жъ за раннею обѣдней
Мена друга, свѣтлая жена!

3.

Въ ночь, когда Мамай залегъ съ Ордою
 Стѣпи и мосты,
Въ темномъ полѣ были мы съ Тобою. —
 Развѣ знала Ты?

Передъ Дономъ темнымъ и зловѣщимъ,
 Средь ночныхъ полей
Слышалъ я твой голосъ сердцемъ вѣщимъ
 Въ крикахъ лебедей.

Съ полуночи тучей возносилась
 Княжеская рать
И вдали, вдали о стремя билась,
 Голосила мать.

И чертя круги, ночныя птицы
 Рѣзли вдали.
А надъ Русью тихія зарницы
 Князя стерегли.

Орлѣй клекогь надъ татарскимъ станомъ
Угрожалъ бѣдой.

А Непрядва убралась туманомъ,
Что княжна фатой.

И съ туманомъ надъ Непрядвой слящей,
Прямо на меня

Ты сошла въ одеждѣ, свѣтъ струщей,
Не слухнувъ юня.

Серебромъ волны блеснула другу
На стальномъ мечѣ,

Освѣжила пыльную больчугу
На моемъ плечѣ.

И когда на утро тучей черной
Двинулась орда,

Былъ въ щитѣ Твой ликъ нерукотворный
Свѣтель навсегда.

4.

Опять съ вѣковой тоскою
Пригнулись къ землѣ ковыли.

Опять за туманной рѣкою
Ты кличешь меня издали...

Умчались, пропали безъ вѣсти
Стенныхъ кобылицъ табуны,
Развязаны дикія страсти
Подъ игомъ ущербиной луны.

И я съ вѣковою тоскою,
Навъ волкъ подъ уцѣрбной луной,
Не знаю, что дѣлать съ собою,
Куда мнѣ летѣть за тобой!

Я саушаю рокоты сѣчи
И трубные клики татаръ,
Я вижу надъ Русью далече
Широкій и тихій пожаръ.

Объятый тоскою могучей,
Я рыщу на бѣломъ ковѣ.
Встрѣчаются вольныя тучи
Во мглестой ночью вышнѣ.

Вздымаются свѣтлыя мысли
Въ растерзаномъ сердцѣ моемъ,
И падаютъ свѣтлыя мысли,
Сожженныя темнымъ огнемъ...

— Явись, мое дивное диво!
Быть свѣтлымъ меня научи!
Вздымается коекая грива...
За вѣтромъ вызываютъ мечи...

5.

Опять падъ полемъ Куликовымъ
Взошла и расточилась мгла,
И, словно облакомъ суровымъ,
Грядущій день заволочла.

За тишиною непробудной,
За разливающейся мглой
Не слышно грома битвы чудной,
Не видно молнии боевой.

Но узнаю тебя, начало
Высокихъ и мятежныхъ дней!
Надъ вражьиимъ станомъ, какъ бывало,
И плескъ, и трубы лебедей.

Не можетъ сердце жить покоемъ,
Не даромъ тучи собрались.
Доспѣхъ тяжелъ, какъ передъ боемъ.
Твой часъ настать. Теперь—молись!

ВАЛЕРІЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ БРЮСОВЪ.

В о й н а.

На камняхъ скаль, подъ ропоть бора,
Предвѣчной силой рождена,
Ты—дочь губящая Раздора,
Дитя нежданное, Война.

И въ кругъ звѣрей, во мглу пещеры
Тебя нывинула въ гнѣвъ мать,
И съ дѣтства ты къ сосцамъ пантеры
Привыкла жадно припадать.

Ты мощью въ мать, хотя суровѣй,
По сердцу ты близка съ отцомъ,
И но людскую жажду крови
Всосала вмѣстѣ съ молокомъ.

Какъ высшій судія, всевластно
Проходишь ты тропой вѣковъ,
И кровь блеститъ полоской красной
На жемчугахъ твоихъ зубовъ.

Ты золотую чашу «право»,
Отцовскій даръ, бросаешь въ мръ,

Чтобъ усладить струей кровавой,
Подъ гулы битвъ, свой страшный пиръ.

И за тобой дружиной вѣрной
Спѣша, съ знаменами въ рукахъ,
Всѣ повторяютъ крикъ пантерный,
Тобой подслушанный въ лѣсахъ.

П ъ с н я.

(Солдатская).

Такъ-то, братцы, и съ Кутаемъ
Церемониться намъ что ль?
Шалками ихъ закидаемъ!
Воевать хотятъ?—Изволь!

Колотили мы и шведа
Подъ Полтавой въ днѣ Петра.
Или внука хуже дѣда?
Или та прошла пора?

Фридрихъ нѣмецъ куралесилъ,
Къ намъ совалея, вражій слылъ.
Мы ему носбили сисси,
Хватъ—и заняли Берлинъ.

Бонапарте велъ французовъ,
Жегъ Москву, а вотъ поди жъ!
Заморилъ ихъ всѣхъ Кутузовъ,
Да и мы пришли въ Парижъ.

Подступали англичане
И на Крымъ обожглись.
Севастопольскія браги
Въ миръ громомъ отдались.

Ну, а что до этихъ турокъ,
Это намъ бывалый врагъ.
Жаль султанъ ихъ очень юрокъ, —
Не добьешь его никакъ.

Итальянцевъ нашъ Суворовъ
Артикуламъ обучалъ;
И смирилъ полякъ свой нравъ
Въ дни, когда забунтовалъ.

Мы взбѣжали на Памиры
Съ нихъ не двинемся назадъ.
Императорской порфиры
Край упалъ на Араратъ.

Отъ Индѣи до Карпатовъ
Рѣкъ, горы и моря
Нашихъ вѣдѣли солдатовъ,
Силы блага Царя.

Такъ-то, братцы, и съ Китаемъ
Церемониться намъ что-ль?
Шапками ихъ закидаемъ.
Воевать хотятъ?—Изволь!

Послѣдняя война.

Свершилось. Рокъ рукой суровой
Приподнялъ завѣсу времянь.
Предъ нами лики жизни новой
Волнуются, какъ дикій сонъ.

Докрывъ столицу и деревни,
Взвились, бушуютъ, знамена.
По пажитямъ Европы древней
Идетъ послѣдняя война.

И все, о чемъ съ бесплоднымъ жаромъ
Пугливо спорили вѣка,
Готова разрѣшить ударомъ
Ея желѣзная рука.

Но вслушайтесь! Въ сердцахъ стѣпенныхъ
Не голосъ ли надеждъ возликъ?
Призывъ племень поработенныхъ
Врывается въ военный крикъ.

Подъ топотъ армій, громъ орудій.
Подъ ньюпоровъ гудящій летъ,
Все то, о чемъ мы, какъ о чудѣ,
Мечтали, можетъ быть, встаетъ.

Такъ! слишкомъ долго мы коснѣли
И дили Валтассаровъ пиръ!
Пусть, пусть изъ огненной купели
Преображенный выйдеть мръ!

Пусть падаетъ въ провалъ кровавый
Строение шаткое вѣковъ;—
Въ псевѣрномъ озареніи славы
Грядущій міръ да будетъ новъ!

Пусть рушатся былые своды,
Пусть съ гуломъ падаютъ столбы;—
Началомъ мира и свободы
Да будетъ страшный годъ борьбы!

Наши дни.

Не вѣрошены ль въ былое все мы
Иль въ твой волшебный міръ, Уэллсъ?
Не блещутъ ли мечи и шлемы
Надъ стрѣлами звенящихъ рельсъ?

Какъ будто рыцарскія тѣни,
Въ лучахъ прожекторовъ, опять
Летятъ на буйный пиръ сражений
Торжествовать и умирать!

Смотря въ загадочныя дали,
Мы смѣло ждемъ безмѣрныхъ дѣлъ,
Вновь подвиговъ при Ренсевалѣ,
Тѣсихъ ударовъ, Карль Мартелль.

А мѣрно съ Эйфелевой башни
Летитъ неслышимая рѣчь,

Чтобъ все, что вѣдалъ день вчерашній,
Для будущихъ времечъ сбсречь.

Ротаціонныя машины

Стучать какъ ночью, такъ и днемъ,
Чтобъ мигъ не минулъ ни единый,
Газетнымъ позабыть столбцомъ.

И сквозь налетъ почныхъ тумановъ,
Какъ призраки яныхъ вѣковъ,
Горятъ глаза аэроплановъ
Надъ свѣтомъ вражескихъ костюмовъ.

БОРИСЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ САДОВСКОЙ.

Памяти А. В. Самсонова

Орлянымъ взоромъ ты слѣдилъ
За нападенъмъ и борьбою,
А вражій самолетъ ходилъ
Чуть видной точкой подь тобою.

Коварнымъ знакомъ съ высоты
Онъ пушкамъ указалъ героя,
И мертвымъ палъ, Самсоновъ, ты
Среди разрушеннаго стрѣла.

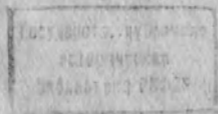
Пробушевалъ свинцовый градъ
И мертвымъ палъ ты подь шрапнелью,—
Крестясь покрылъ тебя солдатъ
Своею сѣрою шпильюю.

И тихимъ пламенемъ горя,
Надъ мѣстомъ гибели нежданной
Зарѣла вѣщая заря
Безсмертной славы, славы бранной.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Отъ составителя	3
Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ <i>В. А. Жуковскаго</i>	5
Послание къ Дашкову <i>К. Н. Батюшкова</i>	30
Поминки по Бородинской битвѣ <i>П. А. Вяземскаго</i>	33
Партизаны <i>К. О. Рыльева</i>	37
Бурцову <i>Д. В. Давыдова</i>	39
Пѣсня <i>Его-же</i>	41
Партизанъ <i>Его-же</i>	42
„Мнѣ бой знакомъ—люблю я звукъ мечей“ <i>А. С. Пушкина</i>	44
Война <i>Его-же</i>	44
Золото и булатъ	45
Делибашъ	46
Отставной солдатъ. <i>Бар. А. А. Дельвига</i>	47
Смерть Багговута <i>Е. А. Боратынскаго</i>	53
<i>А. П. Вульфу Н. М. Языкова</i>	55
Военная пѣсня <i>А. В. Кольцова</i>	57
„Въ рядахъ мы стояли безмолвной толпой“ <i>М. Ю. Термонтова</i>	59
Бородино <i>Его-же</i>	60
Валерикъ <i>Его-же</i>	63
Бранная красавица <i>В. Г. Бенедиктова</i>	72
Разлука <i>Его-же</i>	73
Троѣзжая черезъ Ковно <i>О. И. Тютчева</i>	75
„Вотъ отъ моря и до моря“ <i>Его-же</i>	76

„Внимая ужасамъ войны“ <i>Н. А. Некрасова</i>	78
Страшный годъ <i>Его-же</i>	78
„Мы шли дорогою. Поля по сторонамъ“ <i>Гр. А. А. Голенищевъ-Кутузова</i>	80
Шествіе войны <i>Его-же</i>	81
Мольба <i>Его-же</i>	82
Орлы <i>Его-же</i>	83
Родная <i>Его-же</i>	84
Плевна <i>Его-же</i>	86
Севастопольское братское кладбище <i>А. А. Фета</i>	88
Цавелиха <i>А. Н. Майкова</i>	89
Туда! <i>Я. П. Полонскаго</i>	90
Крикъ часового <i>К. Д. Бальмонта</i>	93
Война <i>Его-же</i>	94
Война, не вражда <i>Его-же</i>	96
На полъ Куликовомъ <i>А. А. Блока</i>	97
Война <i>В. Я. Брюсова</i>	103
Пѣсня (солдатская) <i>Его-же</i>	104
Послѣдняя война <i>Его-же</i>	106
Наши дни <i>Его-же</i>	107
Воинъ <i>П. С. Соловьевой</i>	109
Памяти <i>А. В. Самсонова Б. А. Садовскаго</i>	110

- 775-780. Г. Манъ. Охота за любовью.
 781. Мопассанъ. Оливковыя садъ.
 782-783. Гейерстамъ. Власть женщины.
 784-785. Ренъе. Необычайныя любовья.
 786. Лондонъ. Лунный ликъ.
 787-789. Бальзакъ. Тридцатилѣтняя женщина.
 790. Лондонъ. Богъ его отцовъ.
 791-793. Тетмайеръ. Яносикъ Пенда-Литмановскій.
 794. Бальзакъ. Любовь подъ маской.
 795-798. Стриндбергъ. Исповѣдь глупца.
 799. Гартелебенъ. Гостеприимный пасторъ.
 800-801. Ибсенъ. Перъ Гюнтъ.
 802-805. Флоберъ. Саламбо.
 806. Лондонъ. Любовь къ жизни.
 807-809. Майнъ-Ридъ. Ползуны по скаламъ.
 810-811. Мопассанъ. Сказки дня впочи.
 812. Лондонъ. Мужская вѣрность.
 813-815. Г. Бангъ. Михаилъ.
 816. Лондонъ. Когда боги смѣются.
 817-818. Киплингъ. Смѣло моряки.
 819. Уйда. Степь.
 820-821. А. Франсъ. Подъ предожнымъ вѣномъ.
 822. Лондонъ. Сила женщины.
 823-824. Шатобрианъ. Агала. Ренъ.
 825. Лондонъ. Последняя борьба.
 826-828. Мопассанъ. Наше сердце.
 829. Уэллсъ. Страна слѣпыхъ.
 830. Янъ Порукъ. Бѣлая одежда.
 831-833. Р. Киплингъ. Свѣтъ погасъ.
 834. Мольеръ. Живый большой.
 835-836. Франсъ. Иволный маловець.
 837. Г. Андерсенъ. Дедлица.
 838-839. Михаэлисъ. Книга о любви.
 840-843. Лондонъ. Морской волкъ.
 844. Уайльдъ. Преступленіе лорда Артура Сэвила и др.
 845-848. Ирасекъ. Неоглавцы.
 849. Вирбаумъ. Странныя исторія.
 850-855. Лондонъ. Мартинъ Идэль.
 856. Стриндбергъ. Дѣтская сказка.
 857-858. Мопассанъ. Разказы бѣкаса.
 859. Кн. А. Церетели. Башн-Ачукъ.
 860-862. Сроковскій. Анахронисты.
863. Сюлли-Прюдомъ. Избранныя стихотворенія.
 864-866. Жюль Вернъ. Вокругъ луны.
 867. Макушинскій. Мефистофель.
 868-870. Франсъ. Ахотистовый перстенъ.
 871-872. Вернардентъ де Сенъ Пьеръ. Польша в Виргинія.
 873. Гейне. Флорентинскія ночи.
 874-877. Аннуцио. Невинный.
 878. Мопассанъ. Мадмуазель Фифа.
 879-882. Жюль-Вернъ. Вокругъ свѣта въ восемьдесятъ дней.
 883. Гофманъ. Неадышное дитя.
 884-886. Уэллсъ. Первые люди на лунѣ.
 887. Вирбаумъ. Студенты.
 888-890. Золя. Тереза Ракавъ.
 891. Мопассанъ. Маррока.
 892-894. Реймонтъ. Вампиръ.
 895. Лондонъ. Путь дождныхъ солнць.
 896-897. Ожешко. Голуба.
 898. Л. Франъе. Школьница.
 899-900. Лондонъ. Зовъ предковъ. Ублюдекъ. Тысяча дождень.
 901. Сервантесъ. Ринковецъ и Кортадыло. Лиценціатъ стеклянныи.
 902-904. Франсъ. Господня Бержеръ въ Парижѣ.
 905. Шиллеръ. Коварство и любовь.
 906-907. Абрамовичъ. Фишка хромой.
 908. Тома. Тетя Фрида.
 909. Мольеръ. Донъ-Жуанъ.
 910-912. Лондонъ. Бѣлый клыкъ.
 913. Лондонъ. Страшныя Соломоновы острова.
 914. Мопассанъ. Семья и др.
 915-916. Сербскій сборникъ.
 917. Тома. Разказы проказника.
 918. Ракси. Разказы совы.
 919. Вазовъ. Состанъ.
 920-921. Лагерлефъ. Возница смерти.
 922. Бальзакъ. Проманло.
 923-924. Зангвилль. Мечтатель гетто.
 925. Альмквистъ. Мельница в Шельпурѣ.
 926-927. Мопассанъ. Съ лѣвой руки.
 928. Лондонъ. Великое чудо.
 929-831. Реймонтъ. Мечтатель.
 932. Лондонъ. Потомокъ Макъ-Ко.
 933-935. Беннетъ. Святая любовь.
 936-938. Гамсунъ. Последняя отрадъ.

939. Лондонъ. Красавица Ли-Ванъ.	972. Каменскій. Звѣринецъ.
940-941. Лондонъ. Дѣти ситговъ.	973-975. Честертонъ. Чеховѣкъ, который былъ Четвергомъ.
942. Мопассанъ. Сестры Рондоли.	976. Каменскій. Петербургскій чело-
вѣкъ и др.
943-944. Ванъ-Эйденъ. Маленькій
Иоганнесъ.	977. Лессингъ. Эмилія Галотти.
945. Франсъ. Сказка о сорочкѣ.	978. Немировичъ-Данченко. Левъ
св. Марка и др.
946-947. Лондонъ. До Адама.	979. Арцыбашевъ. Купріянь.
948. Мопассанъ. Встрѣча и др.	980-982. Фарреръ. Въ чаду опіума.
949. Мопассанъ. Возвращеніе и др.	983. Бангъ. Четыре чорта.
950-952. Приключенія Мюнхгау-
зена.	984. Измайловъ. Юмористъ и др.
953. Серво. Маленькія души.	985. Измайловъ. Миражъ на болотѣ.
954-956. Лондонъ. Сынъ солнца.	986-989. Сарсэ. Осада Парижа.
957-8. Карамзинъ. Избранныя сти-
хотворенія и разсужденія.	990. Лондонъ. На концѣ радуги.
959. Лермонтовъ. Маскарадъ.	991. Розеггеръ. Въ гостяхъ у дяди.
960. Война въ русской лирикѣ.
Состав. В. Ходасевичъ.	992. Бангъ. Ея Высочество.
961. Даутендей. Японскія новеллы.	993-996. Лондонъ. Приключеніе.
962-964. Іенсенъ. Мадамъ д'Ора.	997-998. Лемонь. На полѣ брани.
965. Галльстремъ. Соколы и др.	999-1000. Лермонтовъ. Поэмы.
966-967. Г. Варъ. Театръ.	1001-1002. Лермонтовъ. Лирическія
стихотворенія.
968. Арцыбашевъ. Ревность.	1003. А. Коринфскій. Славянскія
бывальщины.
969-971. Бильзе. Изъ жизни малень-
каго гарнизона.	

Справочный отдѣлъ.

Карманные словари.

- 601-604. Французско-русскій. Сост.
Н. Бронштейнъ и О. Румеръ.
605-608. Русско-французскій. Сост.
Н. Бронштейнъ.
613-616. Нѣмецко-русскій. Состав.
Н. Бронштейнъ.
617-620. Русско-нѣмецкій. Состав.
П. Бронштейнъ.
Цѣна каждаго въ перепл. 50 к.
629-630. Музыкальный словарь. Сост.
Ю. Энгель. Ц. въ пер. 30 к.

Книги по медицинѣ.

641. Зиттлеръ. Основы здоровой
жизни.
642-643. Пескаторе. Уходъ за ребен-
комъ.
644. Теннигесъ. Аппендицитъ.
645-646. Толль-Березовскій. Уходъ
за хирургическими больными и
ранеными.
647-648. Штраусъ. Ожирѣнію, подаг-
ра, сахарная болѣзнь.

Подробный каталогъ высылается бесплатно.

Заказы не менѣе, чѣмъ на полтора рубля, исполн. Главной Конторой.

(Москва, 4-й Сыромятинскій пер. д. 1). Наложенымъ платежомъ.